

ЕЛЕНА СЧАСТНАЯ

ВОИН ЗАВЬЕЕНИЯ

СЛЕД БУРИ

Елена Сергеевна Счастливая
Воин забвения. След бури
Серия «Воин Забвения», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69718423

Аннотация

Вторая часть трилогии. Через снегопады и суровые зимние бури княжеское войско отправляется в поход. С надеждой на победу, с желанием избавить народ от напасти под названием вельды. Млада, связанная с князем и вельдским мальчиком колдовством неизвестной силы, следует за дружиной, чтобы потребовать с жреца Зорена ответы о прошлом и настоящем. По её следам идёт посланный Гильдией арияш Палач, а вместе с ним неминуемая смерть. Но никто ещё не знает, что их ждёт впереди.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	31
Глава 3	56
Глава 4	82
Глава 5	108
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Елена Счастливая

Воин забвения. След бури

*** * ***

Глава 1

Млада открыла глаза до того, как первая капля света разбавила черноту отступающей ночи. В груди, предчувствуя важность сегодняшнего утра, гулко и сильно билось сердце, и казалось, что его стук непременно разносится по всей светёлке. Странно, и откуда бы такое волнение? Ведь предстояло только начало похода, а до боя с вельдами ещё хорошо, если две седмицы пути. Млада медленно вздохнула и положила руку под голову – подушка свалилась на пол ночью, а поднимать её было жутко лень.

Медведь не проснулся. Его ладонь ощутимой тяжестью всё так же лежала на бедре, а спокойное дыхание скользило между лопаток. Он пришёл вечером. И слова не дал сказать – молча запер дверь и по-хозяйски привлёк Младу к себе, задушил все возможные возражения поцелуем. Если бы она хотела выгнать его, то не позволила бы даже коснуться себя. Но как только Медведь появился, решила: раз уж, возможно, скоро придётся погибнуть в схватке с вельдами, то почему бы напоследок не провести ночь с мужчиной, который желал её с самого первого дня? Снять напряжение с тела и души перед грядущим испытанием.

И пусть ответное влечение Млады не было столь сильным, а давно проверенное средство всё равно помогло в который раз. Сейчас она чувствовала расслабление и лёгкую истому.

Но в то же время мышцы налились бодростью и силой, как после долгого отдыха, а голова была приятно пуста. До поры.

Млада полежала так ещё немного и повернулась к Медведю. Откинула с его щеки слегка всклокоченные кудри.

– Просыпайся.

Кметь глаз не открыл – только улыбнулся сквозь сон. Внутри пробежала холодная волна: то ли совесть, то ли злость на саму себя. За то, что всё же не выгнала, малодушно приняла его ласки. Млада выскользнула из-под руки Медведя, зажгла лучину и стала одеваться, стараясь на него не смотреть.

– Вставай, если не хочешь, чтобы дружина ушла без тебя.

Лавка нутжно и протяжно скрипнула под нешуточным весом, когда кметь потянулся. И как только не развалилась ночью – непонятно.

– А ты уже и в седло вскочить готова, гляжу? Так торопись от меня сбежать? – Медведь тихо засмеялся. – Раным-рано ведь ещё. Даже петухи не проснулись.

Но улыбка тут же исчезла с его лица, стоило только Младе коротко обернуться через плечо. Кажется, кметь всё понял, но всё же, встав, снова попытался её обнять. Крепкие руки, которые, оказывается, могли быть бережными и заботливыми, сомкнулись на талии, а горячее дыхание коснулось шеи.

– Млада... – приглушённо протянул Медведь, прижимаясь к ней всем телом.

Она вывернулась, отринув голос сладко дрогнувшего нут-

ра.

– То, что было ночью, больше не повторится, – проговорила она негромко, но твёрдо. Чтобы не осталось никаких лазеек ни для кметя, ни для неё самой. – И лучше тебе об этом никому не рассказывать.

Медведь опустил руки.

– Но я думал...

– Прости, что я заставила тебя так думать.

Больше она ничего не собиралась ему объяснять. Да это и не потребовалось. В первый раз Млада увидела, как Медведь разозлился – не напоказ, чтобы охолонуть к концу дня и снова улыбаться, как ни в чём не бывало. В карих глазах загорелась самая настоящая ярость сродни той, с которой идут рубить врага. С таким настроением начинают в щепки крушить домашнюю утварь и хватаются за топор. И, случается, делают большие глупости. Его губы сжались и побелели, а движения стали отрывистыми и резкими. Но кметь не выплеснул злобу на Младу, хоть на миг она и поверила в то, что его негодование и обида найдут выход немедленно. Он просто натянул порты да рубаху, всунул ноги в сапоги и вышел, прихватив пояс с оружием и кожух. Даже дверь не хлопнул напоследок.

Наверное, идя сюда вечером, он знал, чем всё закончится. Знал, с кем связывается. Может, даже соратники увещевали его, если кому-то он всё-таки успел проболтаться о своих намерениях. Но пришёл, не боясь, что о его голову расколотят

ушат для умывания. Кого теперь винить?

Собравшись, Млада вышла во двор. К тому времени там можно было хоть что-то разглядеть. Сонно шараясь в полумраке, изредка по протоптанным дорожкам пробегали отроки, которых нагрузили срочными делами. Да и кмети, судя по всему, уже вовсю готовились к отбытию. Дружинные избы гудели, точно растревоженные улыи. Что-то гремело и брякало, скрипели шаги по снегу. То и дело раздавались приглушённые ругань и смех.

Обоз для войска погрузили заранее. Теперь осталось только кметям проверить свои заплечные мешки, верховым – взгромоздиться на коней, пешим – поплотнее накрутить онучи. Путь впереди неблизкий. Сотники, как будто бы уже давно готовые отправляться в дорогу, подгоняли остальных. Но не раздражённо или сердито – больше для порядка. И без того все собирались спешно, хоть и без суеты.

Млада ещё накануне перебрала свою дорожную сумку. Бережно завернула в рогожку кольчугу, которую предстояло надеть лишь перед самым боем. Почистила меч и нож, пусть они и так никогда не смогли бы пожаловаться на ненадлежащий уход. Эти простые заботы успокаивали и настраивали на нужный лад. И сколько ещё раз на привалах кмети будут братья холить своё оружие, чтобы отдохнуть душой и привести мысли в порядок.

Начали выводить коней, полностью снаряжённых, нетерпеливо гарцующих. Всадники безошибочно находили своих,

приветствовали, угощали лакомствами — им долго придётся быть единым целым. Хороший боевой конь и в дороге не подведёт, и в бою поможет.

На внешнем большом дворе детинца войско выстроили в боевой порядок. Появились и воеводы. Они погрузились в сёдла, проехали каждый в свою сторону вдоль ровных дружинных рядов, въедливо оглядывая каждого ватажника. Млада по распоряжению сотника оказалась в полку Левой руки, где предводительствовал Хальвдан. Не то чтобы её радовал его надзор, но вряд ли с верегом предстоит сталкиваться слишком уж часто. А в пути и вовсе придётся больше следить за Роглом, который пойдёт пешком вместе с отроками, но, в отличие от них, не будет иметь при себе даже оружия. Кто знает, может, перед боем ему и сунут в руки какой-никакой лук. А то и прикажут оставаться в лагере. Столь незавидной и даже унижительной долей вельдчонок, понятное дело, был недоволен. Сидя в темнице последние три дня, всё ворчал, что не для того он, дескать, круглые сутки учился стрелять без промаха, чтобы потом с пустыми руками в поход идти. Но это он при Младе хорохорился, а при старшинах молчал, как рыба об лёд.

Хальвдан проехал мимо Млады, лишь лениво мазнув по ней холодным взглядом, развернул коня и занял положенное ему место. Ждали только князя.

Между тем, небо, ясное с ночи, затянулось тучами, а после разразилось ещё и снегопадом, который с каждым мгновени-

ем грозил обратиться настоящим ненастьем. Проснувшийся ветер завывал, закручивая снег белыми вихрями, и трепал стяги цвета бычьей крови с изображенной на них башней княжеского дома. Мелкие льдинки с тихим шелестом ударялись о суровый сермяжный плащ Млады и оседали на плечах плотным слоем. Сквозь рваные раны облаков солнце бросало редкие лучи, выхватывая замершую в ожидании дружину из полупрозрачного потока.

Млада сидела, сложив руки на луке седла, медленно скользила взглядом по пустым дружинным избам, что виднелись вдалеке, в проходе арки. Непривычная тишина разливалась кругом. Лишь иногда покашливал кто из кметей или бренчал оружием. Да ещё Янтарь недовольно потряхивал головой, когда на гриву налипало слишком много снега. Все воины собрались во дворе первый раз с тех пор, как Млада появилась здесь. И прошло-то всего три с небольшим луны, а казалось, что уже много лет. И кто бы поначалу мог сказать, что она выдержит в дружине так долго. Каждый день был пронизан ожиданием похода, желанием расправиться с вельдами, а с их жрецом – в первую очередь. И вот этот миг наступил. Так внезапно, что даже не верилось.

Едва различимый гул прокатился по дружинным рядам и тут же стих.

Драгомир вышел из арки в сопровождении своего подручного отрока Лешко. Лицо мальчишки сияло, как новый медяк, а вот правитель был хмур. Все последние дни он, по

всему, пребывал в скверном расположении духа. Поговаривали, часто закрывался у себя в покоях, и, бывало, его не видели до самого вечера. Пришёл он только на Посвящение отроков. Да и тогда Млада заметила, что голову его занимает очень много нерадостных дум. Ведь всегда так: перед важным событием вдруг накрывают сомнения и беспокойства. Вспоминаются самые мелкие промахи и недочёты. Тревожат слабости и возможные неурядицы с ними связанные. Млада переживала это много раз. Особенно в те времена, когда под присмотром Наставника выполняла самые первые заказы. Можно было только представить, что творилось в голове молодого правителя перед походом. Он готовился к нему не меньше остальных, а уж забот пережил не в пример больше.

Тревожно толкнулось внутри воспоминание о том случае в его покоях. В другой раз Млада не осмелилась бы подойти к правителю так близко – а тогда ей казалось это единственно верным решением. Странно, но никаких слухов по детинцу не расползлось. Видно, даже самые заядлые сплетницы в доме знали, когда стоит прикусить язык.

Много невысказанного осталось в светлице Драгомира. Но за хлопотами забылось, как лишённое здравого рассудка сновидение. Лишь сейчас Млада снова чувствовала соприкосновение с мыслями и настроением Драгомира и вдруг понадеялась на то, что вельдский жрец сможет объяснить причину этого. Она даже готова была в таком случае не убивать его слишком рано.

Прикрыв ладонью глаза от снега, Драгомир мельком оглядел выстроившееся перед ним войско, отвернулся и запрыгнул в седло приготовленного для него вороного жеребца. Конь нетерпеливо загарцевал на месте, князь потянул поводья и, подъехав ближе, бросил короткое:

– Выдвигаемся!

Больше ничего. Млада разочарованно выдохнула – и так же сделали многие кмети. Верно, как и она, те ждали от правителя напутствия или ободрения напоследок. Обычно Драгомир был очень красноречив, как начнет говорить – заслушаешься. Даже Млада, равнодушная к длинным речам – больше из-за того, что сама складывать их не умела – князю всегда внимала без скуки. А уж кмети и вовсе заёрзали на своих местах, тревожа успокоенных было коней. Среди них пронеслось несколько неодобрительных фраз. Однако после недолгого промедления послушные воле Драгомира и воевод, все двинулись за ними.

Знать, горожане проснулись сегодня раньше обычного. Они вышли из своих домов, встали вдоль улицы, кутаясь в тулупы и плотные распашные свиты. Даже гости Кирията не поленились покинуть тёплые постели постоялых дворов. Застать отбытие из города князя с его войском – дело небывалое для перехожего человека. Будет что дома рассказать. А у некоторых местных в дружине или сотнях служили родичи, и проводы войска были последней возможностью проститься с ними хотя бы взглядами.

Иные девицы, не сумев сдержать пыла, силились пробиться к своим женихам или возлюбленным, коих среди кметей оказалось не так уж мало. Кто бы мог догадаться об этом раньше! Парни, верно, и рады были бы обнять их напоследок, но под строгими взглядами сотников не решались и шагу сделать в сторону. Одна девушка, юрко проскользнув вглубь дружинных рядов, едва не попала под копыта Янтаря. Млада еле успела рвануть поводья, останавливая его.

– Вот дурная! – в сердцах буркнула она.

Девчонка застыла на месте, даже и не посмотрев на неё. Шальными глазами она шарила по головам, выискивая зазнобу, но от испуга, похоже, потеряла его из виду. Парни, сочувственно косясь на молодуху, проезжали мимо и тихо переговаривались. Оно и понятно: душу рвёт такое зрелище, но кто бы из них отказался, чтобы вот так вот провожали его самого.

Прогремев шагами по деревянной мостовой, дружина покинула город. Под выселками её уже дожидались городские сотни во главе с Асташем. Кряжистый и крепкий, как дубовый пенёк, тысяцкий почтительно приветствовал князя с воеводами и коротко о чём-то отчитался. Дружина двинулась дальше, а вой со своим обозом пристроились ей в хвост. Войско растянулось длинной вереницей. Раньше оно не казалось настолько большим, но теперь пешие воины и конница тёмной змеей ползли по большаку, и им не было конца. А что будет, когда присоединятся к нему Восточные и Западные

сотни.

Млада ехала почти вслед за воеводами. Она не торопилась к Роглу, хоть распоряжение Драгомира было яснее некуда. Она знала – была почти уверена – что вельдчонок не станет делать глупостей. Возможно, дорога бок о бок с другими отроками даже пойдёт ему на пользу. А уж то, что парни сами не откажутся приглядеть за пленником – сомнений не было. Любви и уважения к нему у тех за две луны не прибавилось. Хотя на какое-то время они потеряли к вельдчонку интерес: когда появился в детинце внук древнерского старосты Брамир.

Мальчишка даже поначалу напоминал Рогла: так же стонорился всех, зыркал исподлобья и молчал. Но, в отличие от него, не стремился усердно внять воинскому мастерству, раз уж случилась такая оказия. Он был полностью поглощён своим горем и, не являясь пленником, чувствовал себя не менее несчастным. Всё-то ему чудилось, что при любом удобном случае Хальвдан его убьёт – не поручит кому-то, а непременно расправится собственными руками. Только верег, похоже, позабыл о нём сразу после того, как привёз в детинец. Млада скоро оставила попытки чему-нибудь обучить Брамира: раз душа не лежит, так хоть кол ему на голове теши. А мастера терпели бездельника по принуждению.

До того, как вельда снова посадили в темницу, показалось, что с Брамиром они сдружатся – пусть и враги по крови, а общее незавидное положение в дружине их как будто сбли-

жало. Но этого не произошло. Предвзятость древнера к Роглу оказалась куда сильнее, чем виделось поначалу. А может, и отроки подсобили: напели ему в уши чего хорошего. Чуть пообвыкшись, Брамир прибил к однажды помятому Юрско и перед походом твёрдо пообещал Младе, что будет лично следить за вельдом. Только, думается, Рогл легко смог бы его одолеть, случись какая потасовка.

Так или иначе, надлежащий надзор вельдчонку был по-камест обеспечен. Потому Млада не покидала своего места. А старшины не гнали – даже Бажан, однажды обернувшись, ничего не сказал, когда увидел её.

Войско неспешно текло по Южному тракту, а затем свернуло на юго-запад и вошло под зыбкую тень молодого перелеска. Кмети за спиной от скуки то и дело негромко переговаривались между собой. Большей частью это были разговоры о том, что ждёт войско в бою. Дом они начнут вспоминать гораздо позже, когда навалится усталость и мимолётная тоска по простому уюту дружинных изб.

– Сгинем... – с придыханием сказал позади Млады один кметь. – А вдруг сгинем там все? Вельдов-то, погляди, почти вдвое больше нашего.

– Язык бы твой поганый отрезать, коломес! Думай, что говоришь-то! Нас не для того столько лет в дружине учили, чтобы мы потом все сгинули, – второй гадливо сплюнул. – Вот и угораздило же встать рядом с тобой. Теперь всю дорогу нытьё слушать.

Его собеседник только вздохнул.

– Князь торопится. Видишь, как торопится после того, как его чуть не убили? Вот говорю тебе: боком нам это выйдет. Да про вельдов что болтают-то – слышал ведь! А жрец их – колдун! Точно.

– Заткнись, добром тебя прошу! И так в брюхе урчит, до привала идтить и идтить, а от тебя ещё тошнее. Я подыхать в вельдском лагере не собираюсь, да и тебе советую мысли такие бросить. Боги-то, они всё видят. Приберут тебя к рукам – уж больно ты в Навь рвёшься, как я погляжу.

Млада беззвучно усмехнулась. Ещё немного – и сцепятся, чего доброго. Но, видно, не только её голову посетила такая мысль. Откуда ни возьмись, к дружинникам подъехал сотник Гордей, назначенный вместо погибшего Навоя, и, смерив болтунов взглядом, цыкнул:

– Я вас обоих за нужное место вздёрну, ещё будете мне тут препираться!

Кмети потупили взгляды и отвернулись друг от друга. Так-то лучше. Свои страхи лучше держать при себе, а не смущать ими умы товарищей. Уж бой покажет, кто чего стоит.

На короткое время вокруг всё смолкло, а потому слова Бажана прозвучали достаточно громко для того, чтобы Млада их слышала. Возможно, слышали и другие, но ничего, кроме её, внимания тихий разговор воевод, похоже, не привлёк. А она, уловив в голосе Бажана необычную тревогу,

прислушалась.

– Значит, не успели... – едва повернув голову к Хальвдану, проговорил он. – Или помочь не захотели. Паршиво.

Верег только передёрнул плечами и оглянулся. Млада пустым взглядом уставилась мимо него, будто всецело поглощённая своими мыслями. Но как только он отвернулся, тихонько подъехала ближе.

– Человек, которого ты отправил, надёжный? – чуть погодя ответил Хальвдан. – Не мог запитать в каком трактире по дороге?

– Шутишь?

– Почему же? Всяко случается.

Бажан окинул верега долгим взглядом и снова посмотрел перед собой.

– Человек надёжный, довёз письмо в целости – я уверен. Но столько времени прошло. Знать, без толку это всё. Прав был Драгомир.

– Посмотрим.

Бажан сказал ещё что-то, но так неразборчиво, что слышать это можно было бы, только просунув голову между воеводами. Да и остальное, о чём они говорили, для Млады осталось загадкой. Ни одного имени, ни одного места названо так и не было. Но значительность, с которой они упомянули о некоем письме, заставило ещё некоторое время ехать нарочно к ним поближе. Но, видно, сказав друг другу всё, что нужно, Хальвдан и Бажан снова замолчали. А позже ве-

рег и вовсе уехал в хвост дружины и долго не возвращался. Войско продолжало двигаться в сторону Беглицы, но его неповоротливая махина доберётся туда в лучшем случае к концу следующего дня. А то и позже. Дорога через веси Рысей была наезженной и широкой, а всё ж до Южного тракта ей далеко. К тому же непогода расходилась всё сильнее, к сумеркам небо затянуло плотнее, и снег падал почти непроглядной стеной. Казалось даже, что деревья прямо на глазах всё больше тонут в сугробах. И верхом-то ехать трудно, а уж пешим воинам приходилось и того хуже.

Для первого привала выбрали обширную вырубку неподалёку от безымянной речушки, больше похожей на ручей, которая торопливо бежала на восток, чтобы влиться в Нейру. Вода в неглубоком русле едва слышно журчала под тонкой коркой прозрачного ледка – и курица перьев не намочит. Но для того, чтобы напоить коней, вполне достаточно.

Ватажники споро расползлись по занесённому снегом лугу. Кто-то на нём не поместился, и пришлось располагаться под деревьями. Но первый отдых всё равно приободрил и обрадовал мужиков сотен, ещё не привыкших к остальным. С наступлением зимы те прочно осели в разбросанных по весям заставах, пока Асташ не созвал в путь. Лишь через пару дней они, не задумываясь, смогут идти без привалов сутками: когда пройдёт первая боль в ногах и ломота в нагруженной заплечным мешком спине. Теперь же воины радостно галдели и суетились под снисходительными взгляда-

ми натасканных последними лунами дружинников.

Как подснежники, кругом вырастали палатки; тут и там зажигались костры. Расставили шатры для воевод и самый большой – для князя. Но правитель приказал его походные вещи из телег покамест не доставать – только самое нужное. Первая суматоха улеглась, в лагере запахло едой. Мужики подкрепились и подобрили, сотенные смешались с другими кметями, и на боковую никто не торопился. Только воеводы ушли, оставив войско под присмотром сотников. А те принялись назначать воинов в дозор.

Млада отыскала Рогла и, убедившись, что он всё ещё жив и даже цел, тоже присела у костра со своей миской неумолимо остывающей на ветру похлёбки. За день пути она озябла только слегка, а теперь и вовсе отогрелась. Мысли о невольном подслушанном разговоре воевод всё никак не хотели покидать голову. Она раз за разом приходила к решению, что уразуметь его значения так и не сумеет, но почему-то не могла перестать о нём думать. Что-то скрывали Бажан и Хальвдан от князя, а уж к добру это или худу – пёс поймёт.

Ночь становилась непрогляднее, а в лагере становилось всё тише. Разбредались по наспех расставленным укрытиям воины, гасли костры – оставались только самые большие, для дозорных. К Младе сон всё никак не шёл: не тянуло её под холщовый полог, на холодную лежанку, чтобы, ворочаясь, скоротать ночь до рассвета в тяжёлой и неудобной полудрёме. День в пути как будто только разогрел её. Едва передохнув,

она могла бы пойти и дальше, и не гляди, что без факела или фонаря перед собой ничего не рассмотришь на пять шагов.

О пропитанном мягкой негой утре сейчас ничего не напоминало, как будто Млада была в дороге давным-давно. Невольно она огляделась в поисках Медведя, которого сегодня так сильно обидела, но как же его найти среди сотен воинов. Да и зачем?

Где-то вдалеке, нарастая, вспыхнул громкий спор. Поначалу это была просто словесная перепалка, но затем выкрики нехорошо смолкли. Растревоженные кмети, которые кучками ещё сидели у костров неподалёку от Млады, заоглядывались, а затем один за другим встали со своих мест и потянулись в ту сторону, откуда ещё недавно доносились крики и брань. Млада отставила пустую миску в сторону и пошла за ними.

К тому времени, как она добралась на другой конец лагеря, ссора уже переросла в драку. А вокруг сцепившихся, точно псы, мужиков собралась куча зевак. И никто разнимать повздоривших воинов не собирался. Наоборот, их ещё пуще раззадоривали, и это приводило к тому, что драчунов становилось всё больше. Мужики уже не разбирались, что случилось изначально.

Млада протолкнулась вперёд. По всему, ссора в который раз завязалась между верегами и немерами. А кто виноват – о том скоро позабудут. Уйди сейчас зачинщики потихоньку в сторону – драка будет продолжаться и без них. Главное,

рожи друг другу начистить получше. И Млада, пожалуй, пошла бы себе прочь – пусть мужики тешатся – если бы не заметила среди дерущихся Медведя. Вот уж его вовсе не ожидала тут увидеть. Всегда казалось, что миролюбивый кметь водит дружбу со всеми вокруг. Но сейчас он остервенело валял в снегу едва не саженого роста верега, а тот пытался опрокинуть его на спину, то и дело обрушивая куда ни попадя пудовые кулачищи.

Она и хотела бы вытащить его из потасовки, но не знала, с какой стороны и как можно подступиться. Подтянулись сотники, но совладать с взбесившимися мужиками не смогли, как ни грозили расправой.

– Хальвдан, – прозвучало за спиной.

– Эй, мужики! Хальвдан идёт, – гаркнул кто-то во всеуслышание.

– Ща всем достанется, – вздохнул третий голос.

И тут же верег прошёл между расступившимися, как по команде, воинами. Он встал в кругу, немного понаблюдал за драчунами с мрачной ухмылкой на лице. Те продолжили шарахаться и мутузить друг друга, не вняв предупреждениям соратников. Верег поймал одного за шиворот, как шкодливого ребёнка, и встряхнул, процедив сквозь зубы какое-то ругательство. Тот не глядя махнул было кулаком в его сторону, но вовремя узнал и замер, опустив руки. Постепенно остальные тоже отлипли друг от друга и встали, понурившись, утирая кровь с разбитых лиц.

Хальвдан, запахнув сильнее плащ, оглядел каждого с немим упрёком, и от этого они ещё больше горбились.

– По какому поводу веселье? – он неспешно прошёл мимо выстроившихся в ряд мужчин, остановился напротив одного из своих воинов, обхватил его ладонью ниже затылка и толкнул так что тот едва не клюнул носом в снег. – Уж от тебя не ожидал.

– Они смотрели на нас, смеялись и о чем-то говорили по-верегски, – отозвался один из кметей, резко утирая тыльной стороной ладони струящуюся из носа кровь.

Остальные одобрительным гулом поддержали его, но быстро замолчали. У Хальвдана на щеках дёрнулись желваки. Уничтожающим взглядом он пробежался и по сотникам, которые оказались бессильны унять драку – едва сами не ввязались.

– А вы для чего тут нужны? Любоваться на вас? Бестолочи.

Старшины ничего отвечать не стали – да и что тут скажешь? Опростоволосились крепко – все видели.

– Толмача им приставь, воевода, – высказался кто-то из верегов. – Чтоб они не выдумывали то, чего нет. А каждый раз язык себе ломать не намерен, чтоб меня каждая немерская собака верно поняла.

– Старуху-няньку я к тебе приставлю, чтобы приглядывала и порола тебя, если своей головой думать не горазд, – парировал воевода.

Кто-то засмеялся, другие же возмущённо загудели.

– Тихо! – Хальвдан поднял руку, и шум стих. – Я накажу виноватых.

– Нет, это я накажу виноватых, – раздался за спинами зевак голос Драгомира.

Все тут же развернулись в его сторону. Князь приблизился к Хальвдану, и его вид не предвещал ничего хорошего. Драгомир словно отчеканивал каждый шаг, и дружинники расступались перед ним, некоторые и вовсе старались потихоньку скрыться с глаз долой. Сейчас князь виделся ещё более высоким и внушительным, чем прежде. Казалось, его окутывает чёрная грозовая туча, готовая сотрясти землю громом. В отличие от Хальвдана, он, похоже, ещё не ложился. Драгомир подошёл к верегу и дёрнул плащ, который зацепился за ветку торчащего из снега куста.

– Похоже, у твоих воинов дисциплина не лучше твоей. Только шаг из детинца сделали – сразу одичали.

Он оглядел Хальвдана так, словно тот и был зачинщиком драки. А Млада подумала, что после последнего поединка между ними словно залегла тень. Во взгляде воеводы было слишком много недоверия и непонимания. А Драгомир и вовсе смотрел на него с холодным презрением, будто все разговоры о их дружбе были всего лишь выдумкой кметей. И вдруг стало заметно, что верег всего на пару вершков ниже князя. Но сейчас эта ничтожная разница впервые выглядела значительной.

Хальвдан унял недавнюю ворчливость и, нацепив на лицо обычную улыбку, постарался сгладить недовольство Драгомира:

– Всякое бывает, кнез. Поход, напряжение, холод. Все устали.

Тот осклабился, наклонился к нему, прищулив глаза:

– Устали? За первый день похода? Что же будет дальше, позволю узнать? Чихнуть без драки не смогут? – и обратился к воинам, участвовавшим в потасовке: – Кто начал стычку, шаг вперёд.

Мужики запереглядывались, видно, не зная, как лучше поступить: сознаться самим или укрывать друг друга. Горячка с них уже сошла, и теперь на лицах явственно отражалось осознание того, что им придётся плохо. Если уж сам князь сюда пришёл. Драгомир заложил руки за спину, продолжая попеременно смотреть на каждого. Однако его терпение было обманчивым. Млада чувствовала, как он словно раскаляется изнутри в желании наказать всех и каждого, не разбираясь, кто виноват. Наказать как можно более жестоко. В который раз ей захотелось подойти к нему, унять лишнюю озлобленность, чтобы уберечь всплывших парней.

Но на виду у всех... Это слишком.

Наконец напряжённое молчание треснуло, и вперёд вышел Медведь.

– Я начал. Мне показалось, что верегі сказали что-то о... – он бегло глянул на Младу. – О моём роде. Что-то про

зверей. Я плохо знаю верегский.

Вслед за ним, вздохнув, шагнул один из северян. Его соратник с тоже изрядно помятым лицом что-то тихо сказал, но тот лишь огрызнулся.

– Я твоего рода не трогал, Бьёрн, – только и проговорил он, с трудом шевеля разбитыми губами.

Млада тут же догадалась обо всём. И ей захотелось наградить Медведя за опрометчивость увесистым подзатыльником. Зря он вступился за неё, зря ни за что полез в драку. Наверняка, верегі посмеялись бы между собой, обсудив ночь, которую кметь провёл с ней, потешились бы догадками и выдумками, да и позабыли об этом наутро. Ведь скучно судачить о тех, кому сплетни безразличны.

Но он не стерпел.

Князь разочарованно хмыкнул, глядя на Медведя. Ведь совсем недавно он своими руками вручал ему меч за победу в ристаниях. А сейчас кметь замарал честь воина мелочной стычкой. Ещё немного поразмыслив, Драгомир развернулся уходить. И уже на ходу бросил:

– У Медведя забрать оружие. Он его недостоин. И три десятка ударов кнутом обоим.

Среди воинов прокатился ропот неодобрения. Ещё бы! Никогда ещё Драгомир не приказывал стегать кнутом собственных воинов. Да ещё и три десятка ударов!

Хальвдан выругался снова и поспешил догнать его.

– Может, обойдемся батогами?

Драгомир обернулся и смерил его ледяным взглядом.

– Я что-то непонятно сказал?

– Но они не смогут продолжать поход после такого! – верег повысил голос.

– Доедут до Беглицы и останутся зализывать раны. Или могут в Кирият вернуться. Думаю, наше войско не ослабеет без двух склочных баб.

Хальвдан шагнул ближе и добавил гораздо спокойнее:

– Кто же станет исполнять наказание? Ты захватил из Кирията ката?

Драгомир немного помолчал, но, скорее, чтобы испытать терпение верега, чем и правда что-то обдумать.

– Вы с Бажаном не смогли вбить в их головы, что в походе дракам не место – вот сами и наказывайте! Ты – Медведя, а он – твоего воина. Так будет справедливей. К тому же тебе не привыкать быть катом.

Хальвдан молча посмотрел ему вслед – снова возражать не стал. Лишь на щеках воеводы проступили красные пятна гнева, а глаза потемнели. Млада спешно подошла к нему, ни на что не надеясь, но желая, может, хоть немного смягчить участь Медведя.

– Это я виновата, воевода, – проговорила она, пытаясь взглянуть ему в лицо.

Верег свёл брови и гадко ухмыльнулся.

– Я знаю. Похоже, ноги у вас, баб, захлопываются не чаще, чем рот. Но, к твоему счастью, бить мне приказано не тебя.

Больше ничего не сказал, но и без того Младу будто бы саму огрели по спине плетью. К Хальвдану подбежал отрок, протянул длинный хлыст из лосиной кожи и поспешил скрыться из виду. Бажан, заспанный и хмурый, пришёл следом, с укором оглядел верега, но спрашивать ничего не стал, лишь забрал кнут из его рук.

– Обнажить его до пояса, – кивнул он на северянина. – И привяжите вон к той повозке.

Двое кметей подхватили того под мышки, бормоча что-то ободряющее, повели к саням, что стояли неподалёку, под развесистой елью, сняли с него кожух, рубаху и привязали за запястья. Верег стоял на коленях, не говоря ни слова. Только пригибал голову, словно каждое мгновение ждал первого удара.

Бажан тем временем, сокрушённо покачав головой, скинул плащ с плеч на руки сопровождавшего его отрока и потряс кнут, разворачивая его в полную длину. Нехотя он обошёл кметя, немного помедлил и замахнулся. Жёсткая, толщиной в два пальца полоска кожи просвистела в воздухе и с отвратительным чавкающим звуком опустилась на спину воина. Тот дёрнулся и глухо застонал. Тут же вспыхнула алым полоса рассечённой плоти, засочилась кровью. Бажан поморщился, и показалось даже, что откажется продолжать, но через мгновение он снова вскинул руку.

Хальвдан наблюдал за наказанием своего ватажника, стараясь за напускной бесстрастностью скрыть горькую досаду.

Большинство кметей, которые ещё недавно с любопытством смотрели на безобидную, по сути, драку, теперь разошлись кто куда. Остальные начали разбредаться после первых ударов, упавших на спину верега.

Когда того отвязали от повозки, снег вокруг был усыпан красными брызгами. Ватажник едва мог пошевелиться, и его увели, поддерживая под руки. Бажан, ещё более мрачный, чем раньше, отдал разогретый кнут Хальвдану, а к повозке уже вели Медведя. Тот сопротивляться вовсе не собирался – отрешённо смотрел прямо перед собой. Неестественно прямой, словно одревеневший, он сам разделся до пояса и опустился на колени перед санями. Как кметь ни старался держаться безразлично и стойко, а мышцы на его спине напряглись, ладони сжались в кулаки. Тяжело стоять вот так вот, не глядя опасности в лицо, без возможности ответить.

Хальвдан подошёл, таща за собой кнут, который оставлял на снегу едва заметный кровавый след. Сильнее он сжал рукоять, так, что та скрипнула, и замахнулся.

Млада вздрогнула и невольно прикрыла глаза, когда плетёный хлыст щёлкнул и хлестнул Медведя первый раз. Она вскинула руку к горлу и сжала застёжку плаща. Свист хлыста доносился как будто из прошлого, когда так же наказывали её, и в то же время терзал уши из настоящего. Не надо было пускать к себе Медведя вчера. Не надо было. Ведь она знала, что это приведёт к беде, никому не принесёт радости, хоть короткие мгновения им было хорошо вместе.

Красные полосы расчерчивали спину Медведя одна за другой. Густо стекала по коже кровь и крупными каплями падала на снег. Несмотря на окрепший к вечеру мороз, кметь взмок, силясь ни единым звуком не выдать боли. А лицо Хальвдана становилось всё более каменным и серым, как будто он уже перестал думать о том, что делает.

Тридцать...

Воевода остановился, отбросил кнут в сторону, точно тот жёг ему ладонь, а затем направился к своему шатру. Кмети торопливо кинулись отвязывать Медведя от повозки, прикрыли изуродованную спину рубахой. Тот мог только слабо шевелиться и что-то бормотать в ответ. И Млада знала, что лучше бы в этот миг ему провалиться в беспамятство. На прямых, словно палки, ногах, она пошла за ратниками. В палатку, куда отвели – почти оттащили – Медведя, тут же прошмыгнул отрок с чистыми тряпицами и какими-то снадобьями в глиняных горшочках. Под укоризненными взглядами дружинников, что ещё растерянно толклись у входа, Млада шагнула внутрь.

Парнишка-лекарь даже и не посмотрел на неё, продолжил хлопотать над ранами кметя.

– Прости меня, Медведь, – вздохнула Млада, не зная, что ещё можно сказать.

– Ты... не виновата, – прерывисто проговорил тот, продолжая лежать, уткнувшись лицом в расстеленный на земле войлок. – Сам дурак. Жалко только... Что дальше не пойду.

И тебя... Без присмотра оставлю.

– Прекрати так говорить, иначе я тебя ударю!

Отрок возмущённо на неё зыркнул, будто она и правда вознамерилась так поступить. По тому, как вздрогнула блестящая от крови и пота спина Медведя, можно было догадаться, что он усмехнулся.

– Можешь бить. Мне всё равно.

Вот же упрямец – и ничего-то его не берёт! Зарывав сквозь зубы, Млада вышла из палатки. Раздражённо пнула снег, и тот легко взметнулся рассыпчатым ворохом.

Оставалось только надеяться, что весь поход сложится удачнее, чем первый его день.

Глава 2

Снежинки, крупные и ленивые, вырывались из ночной тьмы, подлетали к окну и по воле ветра снова уносились прочь. Геста стояла, прижавшись лбом к холодному мутному стеклу, и разглядывала пустынный двор внизу. С отбытием дружины утром там стало совсем безлюдно. Изредка пробежала какая служанка, или стражники прохаживались с дозором. Следы кметей неумолимо заметало, и снег золотился в свете факелов.

До боли сжатые в кулак пальцы свело, Геста задумчиво оглядела отпечатки ногтей на ладони и снова уставилась в окно. В снежных вихрях она попыталась угадать очертания Клипбьёрна. В темноте вообще можно представить себе всё, что угодно. Никогда ещё после приезда в Кирият ей не хотелось домой так сильно. Как будто здесь её больше ничего не держало. Драгомир уехал. Теперь ему грозила невесть какая опасность – разве не случалось раньше, чтобы князья, которых воины должны оберегать и защищать, гибли в сражениях? Геста слышала много таких историй: как героически складывали голову в бою ярлы и даже конунги – Тора всегда рассказывала их с особой торжественностью. Она готовила подопечную к тому, что ей в своё время доведётся стать женой вождя и, возможно, пережить его потерю.

И Геста чувствовала себя сейчас, верно, так же, как они,

когда провожали мужей на ратные подвиги. Жаль только, поддержаться за стремя коня и прижаться напоследок губами к губам супруга не довелось. И от этого ей становилось, пожалуй, даже горше, чем от того, что третьего дня Драгомир в очередной раз прогнал её из своей постели. Да ещё едва не ударил.

Но Геста простила бы его. Днём она даже пошла к нему с примирением и подарком – собственноручно вышитой обережным узором рубахой. Чтобы извиниться за глупые полусонные бредни – ведь притвориться, что не права, легко, лишь бы это помогло. Она наивно представляла себе по дороге, что князь смягчится и, может даже, извинится в ответ. А вдруг – чем боги не шутят – это станет первым шагом к тому, чтобы всё наладилось...

Однако гридни Гесту в покои Драгомира не пустили. Сказали, мол, подожди, госпожа, если хочешь увидаться. Вскоре с шальными глазами в светлицу примчался Лерх в сопровождении Хальвдана и какого-то черноволосого мальчишки. Кажется, вельдского пленника. Их-то задерживать никто не стал.

Спустя малое время, гости один за другим ушли. Лерх теперь не выказывал никакой тревоги – стало быть, ничего страшного не произошло. И Геста, успокоившись, уже встала с резной лавки,правила платье, даже и не думая сетовать на долгое ожидание, как последней из покоев вышла Млада. Воительница кругом и не посмотрела, не произнесла поло-

женного приветствия, а твёрдым шагом пошла к лестнице. Тут же наружу выглянул Лешко и с важным видом передал гридням, что более никого князь видеть не желает. А коли пожелает, так распорядится самолично. И как бы Гесте ни хотелось пригрозить стражникам расправой, обрушить на их головы проклятия и всё же войти, она смолчала. И самое время поплакать о своей доле, но глаза были сухими, только жгло в груди и не хватало воздуха.

Тора все три дня поглядывала на неё с опаской, пытаясь понять, какие мысли крутятся в её голове, но вопросов не задавала – оно и к лучшему.

За эти дни, проведённые точно в лихорадочной горячке, всё изменилось. Сомнительные рассказы и сплетни о Младе уже не были нужны Гесте: от них никакого прока. Как бы Драгомир ни отпирался, а воительница всё же имела ход в его покой, и чем уж там они занимались наедине, лучше и не думать. Млада, похоже, крепко втёрлась в доверие к князю, и он наверняка не станет слушать порочащие любимицу слухи. Это он дал понять ясно.

Теперь Геста не надеялась вернуть его расположение – ей хотелось просто отыгаться. За все обиды и слёзы. За все разрушенные чаяния. За унижение, в конце концов. И в то же время она хотела защитить себя от неведомой угрозы, которая исходила от Млады в её вещем сне. Та мерещилась ей постоянно и сводила с ума.

Геста закрыла глаза и снова увидела, словно наяву, как

Млада склоняется над Драгомиром, касается его, как обещает, что будет рядом. А другой рукой сжимает кинжал. Но князь ничего не замечает и смотрит на неё со спокойным осознанием того, что без этой девушки он не сможет. Был ли тот сон предостережением или только отголоском собственных, Гесты, переживаний и опасений? Даже Малуша не смогла ничего сказать наверняка. Лишь пожала плечами и ответила, что разбираться в этом придётся самой. Ворожея теперь часто появлялась в светлице Гесты: с ней было спокойнее, будто она могла на что-то повлиять. И стоило только попросить – наслала бы на окаянную девицу порчу. Но это самообман, способ себя успокоить на время: Малуша такая же женщина, как и она, и так же лишилась своего любимого мужчины из-за Млады.

Сегодня рано утром Геста через служанку передала Квохару записку с просьбой встретиться в её покоях. Видеться, не покидая замка, им доводилось крайне редко, и то при должной осторожности. Однако сегодня Вигену было вовсе не до надзора за домашними: он остался в детинце за старшего, а значит, не сразу сможет приноровиться к новым задачам. Лучше случая не найдёшь. А казначей вряд ли откажется приходить – не рискнёт. Он и так слишком долго избегал Гесты после возвращения, отговаривался от встреч под разными предлогами. Хватит.

Опустившись в кресло, Геста бросила взгляд на рукоделие. Синяя, вышитая красным затейливым узором рубаха

так и валялась на столе третий день, мозоля глаза. Хлопья пепла от лучины осыпались на рукав, прожгли в нём мелкие дырочки. Страшно подумать, сколько времени было потрачено на неё. Приходилось с утра до ночи слушать нудные наставления Малуши – знатной вышивальщицы – хоть столь тоскливое занятие Геста никогда не любила, и с детства Тора едва не палкой загоняла её за пяльцы. Ведь дочка конунга, будущая жена правителя, должна уметь всё: и за свиньями вынести, и ковёр соткать.

Геста провела ладонью по тонкой и невероятно дорогой шерстяной ткани, кончиками пальцев – по узорам, выющимся вдоль ворота. Как славно она смотрелась бы на Драгомире, мягко и ласково льнула бы к телу, бросала холодный оттенок в его серые глаза... И оберегала бы от любых бед. Да разве ему это нужно? Геста смяла рубаху и зло швырнула её в очаг. Огонь радостно завладел податливой жертвой, и кропотливый труд в считанные мгновения истаял в жадном пламени. Вверх взметнулись яркие искры и погасли ещё в полёте.

От похожего на забытье созерцания очага Гесту отвлёк звук открываемой двери. Квохар вошёл в светлицу, настоженно оглядываясь. Напрасно: стражники были отосланы с самого утра. Убедившись, что опасности нет, казначей гораздо бодрее прошёл внутрь и даже нашёл в себе силы улыбнуться.

– Я уже думала, что никогда больше не увижу тебя так

близко, – Геста искоса оглядела его. – И даже не стану спрашивать, почему так долго ты от меня бежал.

Квохар, виновато изогнув сутулую спину, развёл руками. Он был всё так же отвратителен, как и раньше. Куда ему, тощей оглобле со сгорбленными плечами, до Драгомира. Даже богато расшитый на ариванский лад кафтан не скрывал тщедушности его тела. Теперь Геста не понимала, как могла так низко пасть, пуская его в свою постель. Лучше было бы, верно, спать с кем из конюхов: бабы в детинце, стыдливо краснея, болтали, что среди них есть знатные любовники. Как прижмут – так жар по всему телу. Всё ж удовольствие.

Но нынче она не собиралась переступить через себя. Достанет с Квохара поблажек.

– Разузнать хоть что-то о девчонке оказалось не так-то просто, – тот медленно подошёл, осматриваясь в светлице, как в первый раз. – Точнее невозможно. Либо она пришла очень уж издалека, либо хорошо умеет скрывать свою жизнь.

– Разве такое может быть? – фыркнула Геста. – Чтобы вообще ничего нельзя было узнать?

Вместо ответа казначей склонился, взял её руку в свою и прижался к ней губами. Геста с омерзением выдернула ладонь из его пальцев, а другой стёрла влажный след поцелуя. Квохар бросил короткий удивленный взгляд, обошёл её и, встав позади, навис, словно коршун, отчего стало душно и тяжело.

– Последний раз Младу видели в Пастерне, – отмеряя

каждое слово, произнёс казначей. – Обычная деревня. Там она продала лошадь и пошла дальше пешком. Об остальном мои знакомцы ничего не знают. Или попросту молчат.

– Боятся?

– Возможно, – задумчиво качнул головой Квохар. – Это наводит на некоторые мысли, но кто я такой, чтобы лезть глубже. Так можно и обратно не выбраться.

Он скупо улыбнулся, вытянув губы в тонкую линию.

– Ты – казначей. Не последний человек в княжестве!

Геста встала, не в силах больше терпеть давящее присутствие Квохара. Тот проворно обошёл кресло и заключил её в объятия, но она, не скрывая раздражения, высвободилась.

– Моя богиня недовольна? – казначей с усмешкой проводил её взглядом.

– Ещё как, – Геста толкнула его в грудь, стоило ему приблизиться снова. – Ты потратил столько времени без толку. Да ещё и обманывал меня! Впрочем, забудь. Всё равно это больше не имеет значения. Я хочу, чтобы ты сделал кое-что другое.

– Уговора о каких-то ещё услугах не было, – Квохар прищурился, и его голос дрогнул возмущением.

– Со мной не стоит торговаться. Я не купчишка на ярмарке.

Квохар презрительно поджал губы и, пригладив волосы, повернулся было уходить. Нет, отпускать его так просто нельзя – уж больно легко отделался. Только заморочил ей го-

лову, а толку чуть. Геста подошла к нему и провела ладонью по груди, разглядывая каждую резную пуговицу на кафтане. Но лишь казначей хотел снова её коснуться, как она легко увернулась. Сегодня она оставит его не солоно хлебавши, но сначала вдоволь подразнит.

– Может, ты всё же выслушаешь меня? А там мы можем поговорить по-другому, если пожелаешь, – медово проворковала она, склоняя голову к плечу.

Но по лицу Квохара нельзя было сказать точно, пойдёт ли он на всё что угодно только ради ночи с ней. До сегодняшнего дня он много седмиц вовсе к этому не рвался.

– Хорошо, – милостиво сдался казначей. – Чего ты хочешь?

– Я хочу, чтобы ты нашёл мне арияш. А лучше – Грюмнёрэ, способного убрать с моего пути Младу.

Квохар прижал кулак к губам, прокашлялся, словно в горле запершило, и ещё некоторое время молчал, озадаченно разглядывая Гесту. На его лице удивление сменилось сомнением, а после и недоверием. Ещё чего доброго и правда просто развернётся да уйдёт – и тогда хоть доноси Драгомиру на него, хоть нет. Последний полезный человек, которым пока ещё можно управлять, будет потерян.

Пока казначей в раздумьи тёр подбородок и разглядывал пол под ногами, Геста спешно пыталась придумать, как удержать его. Пёс с ним, она разденется прямо тут, если это поможет! К Хёгглю в утробу гордость и отвращение.

– Неужели девчонка так сильно тебе досадила? – Квохар медленно провёл пальцем по брови и глянул исподлобья.

– Достаточно.

– Почему ты решила, что я знаю, где найти арияш?

– Ты из Аривана! – вспыхнула Геста от его деланной непонятливости. – Кому как не тебе знать, как можно встретиться с арияш.

Квохар рассмеялся. Натужно, с какой-то неведомой горечью, точно вспомнил что-то неприятное, но не хотел в этом признаваться. Геста, всё сильнее закипая, наблюдала за его фальшивым весельем.

– Моя девочка, ты очень наивна, раз считаешь, что каждый ариванец знает, как нанять убийцу, – он потёр глаз, якобы смахивая слезу. – Можно подумать, мы так тешимся на досуге. Арияш – скрытная гильдия. Их мало, и почти никто не знает, как выйти на них. А ты ещё говоришь мне про Грюмнёрэ! Как будто те на торге продаются вместе с пряниками. Это сродни поиску единорога.

– Хватит! – резко прервала его Геста. – Мне всё равно, где ты будешь искать арияш и с кем говорить, но я должна с ним встретиться.

– Не торопись, моя радость. Возможно, Млада ещё не вернется из похода, – спокойно рассудил Квохар.

В его словах было зерно истины и благоразумия, но почему-то Геста не сомневалась, что девица вернётся. Её в случае чего бросятся защищать аж двое мужчин: тот недоумок,

Медведь, и Хальвдан. Кметь давно смотрит на Младу, как его лесной сородич – на малину. Поговаривали, что он на-медни, перед отъездом, сунулся к ней и даже встретил некоторую взаимность. Кто знает, может и так. В любом случае, он наверняка лучше погибнет сам, чем позволит Младе умереть. Некоторые мужчины, когда влюблены, видят не больше, чем только что родившийся котёнок. Что же до Хальвдана, то как бы он ни старался это скрыть, но по дому давно ходили слухи об его увлечённости. В другое время это стало бы хорошим поводом его задеть, а то и уязвить, но сейчас Гесте было плевать на воеводу. Пусть хоть с башни кидается.

Одно не давало ей покоя: что все они нашли в этой грубой и хамовитой девице?

– Если какой вельд отсечёт ей голову, я буду рада, – Геста с усилием улыбнулась. – Но арияш мне всё равно найди.

– Я не хочу ввязываться в это, – голос Квохара прозвучал отстранённо и холодно.

Геста приблизилась, провела ладонью по его щеке, скользнула за ворот и прошептала, почти касаясь губами его губ:

– Боюсь, тогда мы с тобой не сможем больше видеться...

Квохар на миг помрачнел, словно эта мысль и правда его расстроила. А как иначе? Никогда не ходило слухов о том, чтобы вокруг него крутились толпы девиц, а уж благородных кровей и среди возможных редких поклонниц отродясь не водилось. Руки казначея с напором прошлись по груди Гесты, затем по спине, но в этот раз платье рвать он не стал,

хоть загорелось в его глазах обычное нетерпение.

– Раздевайся, – сглотнув, проговорил он, делая шаг назад. Знать, выбора у Гесты не осталось.

* * *

На удивление, записка от Квохара пришла всего через несколько дней. Похоже, он побаивался сам появляться у Гесты. Да и вдругорядь отсылать стражу, чтобы с ним встретиться, было бы слишком подозрительно. Оно и хорошо. Не пришлосьшний раз видеть его пучеглазую рожу. Записку не передала Тора и не принесла какая молчаливая служанка – она просто появилась на полу, просунутая в щель под дверь. Гадать, каким колдовством она тут оказалась и как этого не заметила стража, Геста даже не взялась. Она торопливо придвинула к себе лучину поближе и, едва не роняя листок – дрожащие пальцы словно онемели – пробежалась по строчкам, написанным мелким скупым почерком.

«Завтра ближе к полуночи придёшь на постоялый двор «Одноглазая ворона». Он находится у пристани. Там встретишься с хозяйкой Зарханой. Скажешь, что от меня. Она все разъяснит.

Будь осторожна».

Геста перечитывала записку вновь и вновь, чувствуя смесь радости и страха. Странно, но она не рассчитывала, что придётся встречаться с кем-то. Казалось, всё образуется само со-

бой. Но Квохар прав, такое дело не доверишь больше никому, и пути обратно нет. Слишком далеко она зашла в своём желании избавиться от соперницы, хоть все вокруг убеждали её, что Млада соперницей ей быть не может. Теперь Геста пойдёт, куда бы ни было сказано, заплатит столько денег, сколько понадобится, лишь бы от воительницы, виновницы её ночных кошмаров, не осталось ни единого воспоминания.

Последний раз пробежав по строчкам взглядом, Геста бросила записку в очаг.

Весь вечер до следующего дня она не находила себе места, придумывая и повторяя мысленно, что скажет Зархане. Как это случится? Как долго нужно будет ждать встречи с арияш? И не придётся ли идти в «Одноглазую ворону» снова? А может, убийца будет дожидаться её вовсе в другом месте? Никогда в своей жизни она не видела настоящего арияш, а разного рода толки о них казались всего лишь небылицами. Но как послушаешь, лучше бы и не слушал вовсе. Оказывается, кто угодно мог настолько легко принять смерть от их руки, что даже не успевал ничего понять. И порой эта смерть выходила очень скверной.

Тора, глядя на метания Гесты, пыталась выпросить, что привело её в такое беспокойство, но та только отмахивалась. Запретить служанка ей ничего не сможет, а вот изрядно утормить причитаниями – запросто.

Днём, когда утренняя суeta в доме улеглась, уступив место полуденной вялости, Геста позвала к себе Малушу и взя-

лась за вышивку новой рубахи – в конце концов, может, она всё-таки пригодится. Ворожея подивилась, что предыдущая куда-то подевалась, но выпрашивать ни о чём не стала. Она злилась на Гесту, постоянно делала замечания, восклицая, что узоры, выходящие из-под её руки, никуда не годятся. Но та, погрузившись в свои мысли, не обращала внимания на ворчание Малуши.

Наконец дождавшись, когда Тора выйдет из светлицы, Геста обратилась к ворожее:

– Малуша, я хочу, чтобы ты сегодня помогла мне.

Та подняла взгляд от вышивки.

– Что я должна сделать? И почему я, а не Тора?

– Потому что Торе лучше об этом не знать. Ты дашь мне одно из своих платьев и останешься вместо меня в комнате. Мне нужно будет уйти на время, чтобы этого никто не заметил.

Малуша долго и внимательно разглядывала лицо Гесты, а затем снова склонилась над пяльцами:

– Кажись, что-то нехорошее ты задумала, княгиня... – осторожно проговорила она, вытягивая нитку. – А коли меня наказать за это вздумают? А то и вовсе выгонят взащей?

– Я тебя не просила рассуждать о моей просьбе. Ты делаешь, как я скажу, и всё! – Геста отбросила в сторону рубаху и со злостью уставилась на невозмутимо продолжающую вышивать Малушу.

Та, почувствовав негодование, вздохнула и тоже отложила

рукоделие.

– А ежели моя одёжа будет тебе широка? – она, приподняв бровь, оглядела Гесту с головы до пят.

Та нахмурилась, но удержалась от гнева, только едко заметила:

– Ничего, переживу. Так меньше буду похожа на себя, а больше – на замызганную деревенщину.

Малуша заметно ощетибилась на прозрачный намёк. Однако натянуто улыбнулась и кивнула.

– Хорошо, пусть будет по-твоему. Только всё же... Мне какая польза? Я за просто так страдать не хочу.

– Возможно, к тебе вернётся Хальвдан, – глядя в сторону, уклончиво ответила Геста. – А я постараюсь сделать всё, чтобы на этот раз он никуда от тебя не делся. Ты это заслужила.

Малуша тут же поменялась в лице: нижняя губа её дрогнула, щёки порозовели. Похоже, страсть к воеводе так и не прошла за столько лун. Что ж, это хороший способ привязать её к себе и незаметно заставить исполнять любые поручения. Тора мало на это годилась, всё больше ворча по каждому удобному поводу. Малуше Геста особо не доверяла, но, если надавить на нужные слабые места, то и от неё можно получить какую-никакую пользу. Всё-таки Хальвдан сильно запал ей в душу – уж в этом умении ему не откажешь. Морочить девицам головы он с самой юности был горазд.

Дальше вышивание продолжилось в полном молчании,

пока за окном совсем не стемнело.

Малуша ушла только к ночи. Геста же, отправив Тору спать в другую комнату, ждала назначенного часа, чтобы пойти к пристани. Лучше было бы поехать верхом – топтать ноги по снегу и холоду вовсе не хотелось – но ради своей цели она могла вытерпеть и не такое. Теперь хоть босиком пойдёт.

Ворожея вернулась, прижимая к груди под дорожной накидкой свёрток из одежды. Тихо она вошла в светлицу и притворила дверь. Теперь дежурившие снаружи стражники только на пользу. Скажут: пришла Малуша, а позже вышла – и никаких подозрений. Так можно, пожалуй, бродить всю ночь.

– Скидывай всё, – коротко распорядилась Геста, когда Малуша вопросительно на неё воззрилась. – И мне помоги раздеться.

Служанка бросила свертки на кровать, развязала понёву и сняла длинную, до щиколоток, домотканую рубаху. Горделиво откинула за спину косы. Геста с лёгким уколом зависти отметила мягкие изгибы её тела: полную грудь, широкие бедра, округлые плечи. Неудивительно, что Хальвдан однажды позарился на такую красоту. Впрочем, они друг друга стоят.

Облачившись в одежду Малуши, Геста почувствовала себя тонкой девчонкой: рубаха была ей откровенно свободна, а понёву пришлось обматывать вокруг талии едва не втрое.

Она накинула поверх тёплый тулуп грубой выделки, а на плечи – простой дорожный плащ. Спрятала рыжие, предусмотрительно заплетённые в косу волосы под платок.

Малуша придирчиво её оглядела, повернула одним боком и другим.

– Если не будешь ерепениться, как обычно, то и не узнает никто, – она одобрительно улыбнулась.

Геста пропустила колкость мимо ушей, проверила припрятанный под тулупом на поясе кошель с деньгами и, затаив дыхание, вышла из светлицы. Проскользнула мимо стражников, которые даже не глянули в её сторону, спустилась по лестнице и вышла на задний двор. И пока она пробиралась заметёнными тропинками, ей всё казалось, что сейчас откуда-нибудь обязательно выйдет Виген и всё пойдёт прахом. Наблюдательный начальник стражи уж точно узнает её.

Путаясь в слишком широкой понёве, Геста добрела до ворот, отряхнула снег с подола и отдышалась.

– Куда пошла? Не поздно ли? – подозрительно прищурился стражник, когда она с как можно более уверенным видом направилась к калитке.

– Да вон жена князева послала с поручением. Вожжа ей под хвост ударила, – ворчливо ответила Геста. – Я скоро обернусь.

Часовой ещё некоторое время пытался разглядеть её лицо в трепещущей от света факелов темноте. Геста нетерпеливо порылась в корзинке, которую прихватила с собой, давая по-

нять, что у неё очень важное дело.

– Ладно, иди.

Стражник вздохнул: видно, ему не хотелось тратить время на служанку. И правда, мало ли чего могло взбрести в голову жене князя. Не то чтобы Геста часто гоняла чернавок среди ночи за стену детинца, но случалось всякое. Особенно сразу после приезда. Тогда ей казалось, что такое право ей даёт особое положение. А потом капризы просто наскучили, голову заняли другие заботы.

Геста с облегчением вышла за ворота и свернула по тропе вдоль стены – так короче. До пристани было не так уж далеко, если идти споро и не отвлекаться – она как раз успеет ко времени. Больше волновало, что делать дальше. От мысли о встрече с арияш ладони покрывались липкой испариной, и по спине пробегал холодок.

Скоро глубокая тропинка вывела её на широкую улицу. Идти стало легче. Свежий снег, укрывший мостовую, поскрипывал под ногами, покачивались на нём оранжевые пятна света от факелов, вывешенных вдоль дороги. Люди уже попрятались по домам, и редко где можно было увидеть огонёк лучины в окне. Мимо проехали сани. Возница с любопытством глянул на одиноко шагающую вдоль дороги Гесту. Стало страшно. Кто знает, какой лихой люд встретится по пути? В городе полно всякого сброда. По улицам ходят стражники, но пока их не было видно: за это время может случиться всё что угодно.

В подтверждение опасений где-то позади послышался отдаленный возглас:

– Эй, краля! Подожди, провожу, куда нужно.

Геста вздрогнула и обернулась. В паре дюжин шагов от неё виднелась худощавая мужская фигура. Незнакомец шёл, чуть пошатываясь, но, несмотря на это, быстро догонял её. Геста прибавила шаг, а после очередного возгласа: «Эй!» – побежала. Пронзительный свист долетел со спины, заставляя припустить ещё быстрее. А затем мужчина зычно рассмеялся – похоже, на самом деле не собирался её преследовать.

Геста укорила себя за трусливость и сбавила шаг. Обернулась – незнакомец стоял вдалеке, прислонившись к стене. Кажется, его стошнило. Геста, злорадно ухмыльнувшись, подышала на ладони: впопыхах забыла захватить из дома рукавицы; пальцы замёрзли и покраснели. Проклиная собачий холод, она пошла дальше. Миновала сначала круг ремесленников, затем рыбаков. А улице всё не было конца. Но вот ворота пристани, выводящие за стену, незаметно проступили впереди. В открытую калитку метнулся вихрь холодного ветра. Причалы, обледенелые и пустые, виднелись в зыбкой темноте; одинокие маленькие лодчонки горожан мерно покачивались на волнах, пойманные в плен до весны. Зимой крупные корабли почти не появлялись на пристани – только из крайней необходимости или по договору с князем, чтобы привезти в город необходимые в это время товары. Но такое случалось очень редко. Большой частью причалы пустовали,

и ветер гонял по брёвнам и скользким камням набережной сухую позёмку. Осколки льда, что безуспешно пытался сковать Нейру, бились о каменные опоры мостиков и переходов.

Казалось, здесь даже никто не живёт – настолько кругом было тихо и безлюдно. Факелов в держателях стало гораздо меньше, и зыбкий полусвет то и дело сменялся почти непроглядной темнотой. Геста зябко поёжилась, выглядывая вывеску нужного постоянного двора. Куда же он провалился?

– А кто это тут у нас? – донеслось из мрака очередной подворотни.

От покосившегося забора отделилась тень и двинулась в сторону Гесты. Она шарахнулась, но спиной налетела на кого-то. Взвизгнув, вырвалась из рук, которые тут же схватили её за плечи.

На свет вышел коренастый мужик. Его круглое, как блин, лицо усеивали веснушки, а из-под шапки свисали неопрятные рыжие кудри.

– И что ж ты, красуля, тут делаешь? Нехорошо молодым девицам ходить среди ночи в таких местах.

Неподалёку от него, отрезая дорогу к побегу, встал другой незнакомец, чернявый и более высокий. Он с усмешкой оттянул ворот замызганного тулупа и почесал шею, изуродованную косым рубцом.

– А тут путь один. В «Ворону», – ответил он дружку. – Только таких девуль я там сроду не встречал.

Откуда-то со спины появился и третий. Геста, слышав

шаги, затравленно вздрогнула и повернулась к нему. Хватать её он пока не собирался. Стоял, сложив на широченной груди руки, и разглядывал так пристально, что хотелось провалиться сквозь землю. Его левая ноздря была когда-то то ли разрезана, то ли порвана, а после неровно заросла. Приятнее его бородатую рожу это не делало.

– Стража... – неуверенно и слишком тихо пролепетала Геста, делая шаг назад.

Судя по всему, никакой стражи тут не было, и появится она нескоро.

– Мы с ней по-хорошему, а она сразу стражу... – укоризненно покачал головой кудрявый. – Вот все вы бабы такие.

– Ты с ней полегче, а то вдруг она такая же, как та, – медленно подходя к Гесте, усмехнулся мужик со шрамом.

– Да не...

Незнакомцы начали смыкать круг. И какие у них были намерения, оставалось только гадать. То ли ограбят, то ли ссильничают прямо тут, в снегу под забором. Сначала один, потом второй и третий. А может, и то, и другое сразу. Хотя таких случаев в Кирияте, как говорили, отродясь не бывало. Воровали на торгу по мелочи, срезали кошель – куда ж без этого? Но дружины в городе теперь нет – а это могло прибавить всякому сброду смелости.

Геста, закусив губу, только и успевала крутиться, как волчок, чтобы вовремя заметить опасность. Но, как на зло, отступить было некуда. Она рванулась наобум, пытаясь про-

скочить между мужиками, но кудрявый с хохотом легко её поймал.

– Да ты постой. Я только пощупаю слегка и отпущу.

Его широкая ладонь юркнула под плащ и тулуп, уверенно нашарила на поясе набитый монетами кошель. Сбоку подоспел тот, что с порванной ноздрёй, и для верности крепко обхватил Гесту под грудью.

– А пахнешь-то ты славно, – шепнул он на ухо. – Прямо как пирог. Бабка моя пекла, бывало.

Другой рукой он рванул платок с её головы. Шею защекотала борода и изрядно отдающее луком дыхание. Геста тихо завывала от парализующего страха, её начало тошнить.

– Не трожь, – недовольно буркнул кудрявый. – Тебе мало уроков было? Лучше корзину проверь.

Тот быстро повиновался – и сразу стало понятно, кто и в их шайке главный. Третий же продолжал стоять в стороне и настороженно оглядывался. В корзине ничего полезного для воров не нашлось. Но Гесту для верности обшарили всю с ног до головы: залезли и под подол, расстегнули тулуп. Вряд ли они надеялись найти что-то ещё – толстого кошель было им вполне достаточно. Они в своё удовольствие просто хватали её за всё, что попадалось под руки. Геста только глотала злые слёзы, боясь сопротивляться – как бы не нажать чего похуже. Судя по тому, что ощупывали её с всё большим рвением, тати уже вот-вот готовы были пройти против своих же правил.

– Мужики! Идёт кто-то, – бросил третий. – Закругляйтесь.

Отступив, в мгновение ока вся шайка скрылась в темноте. Остались только следы их грубых лап по всему телу. Дрожа от омерзения, сквозь размытую пелену слёз Геста разглядела, что вдалеке идёт кто-то ещё. А по неуверенной походке узнала того мужика, который не так давно её окликнул. Час от часу нелегче.

Подобрав подол, она побежала прочь от невольного спасителя. И едва не проскочила мимо двери нужного ей постоянного двора. На его деревянной вывеске красовалась довольно неумело вырезанная одноглазая ворона. Изнутри доносился неразборчивый гул. А что если те воры пришли как раз сюда? Вот уж большая радость встретить их снова. Но, отринув сомнения, Геста почти кинулась под навес и шагнула внутрь, поправляя сорванный платок и отряхивая с плеч редкие снежинки.

На постоялом дворе, как и обычно, былолюдно. Подавальщицы не слишком расторопно ходили меж столов, то и дело коротко переругиваясь с посетителями. Геста осмотрелась, потёрла ладони, радуясь долгожданному теплу – и украденный кошель теперь не казался большой потерей. Она прошла к огороженной стойке, над которой возвышалась дородная женщина с лицом тёмным от навечно въевшегося в кожу загара. Даже не нужно приглядываться, чтобы распознать в ней уроженку Аривана. Мягкие черты некогда красивого и

молодого лица, выющиеся волосы цвета дёгтя, приспособленные на затылке. Хозяйка сосредоточенно пересчитывала монеты и бросала короткие взгляды в зал.

Окончательно поправив одежду, Геста встала перед ариванкой, чуть наклонилась вперёд и негромко обратилась к ней.

– Приветствую, Зархана. Я от Квохара.

Хозяйка едва не вздрогнула, некоторое время её разглядывала, ссыпая монеты в кошель, затем кивнула.

– Пошли.

Она провела Гесту полутёмным коридором мимо поварни и закрытых дверей на задний двор, а там окликнула светловолосого парнишку, который как раз выливал из ведра в лохань свиньям какую-то отвратительную на вид жижу.

– Щука! Ну-ка пойди сюда.

Тот поспешно отставил ведро в сторону и подбежал к хозяйке, на ходу вытирая руки о штанины.

– Да, матушка, – с любопытством косясь на Гесту, выдохнул он.

– Отведи эту добрую госпожу вниз, – многозначительно проговорила Зархана.

Парень кивнул и деловито пошёл через двор, видно, сразу уразумев, о чём та говорит. Гесте осталось только поспешить за ним. По дороге она оглядела своего юного провожатого. Уж больно не походил тот на сына смуглой ариванки. Даже если отец его был из местных. Южная кровь всегда даёт о

себе знать – и проступают в отпрыске то чёрные волосы, то особый оттенок кожи. Знать, Зархана была ему мачехой.

Размышляя об этом, Геста совсем не заметила, как они дошли до лестницы в пристрое постоянного двора, Затем спустились в освещённый одним-единственным факелом узкий коридор. Мальчишка уверенно откинул одну из занавесей на стене и шагнул в тёмный маленький зал без окон, со всех сторон убранный той же тяжёлой и ветхой тканью. Здесь стояло несколько столов, круглых и небольших, рассчитанных всего на двух-трёх человек. Но они пустовали. Все, кроме одного. На нём и горела единственная лучина.

Там сидел человек в ничем не примечательной одежде – такую можно увидеть на любом горожанине: плотная суконная свита, да поверх неё выдавший виды плащ. Лицо мужчины скрывала тень, падающая от капюшона. Он задумчиво крутил в руке изрядно побитую глиняную кружку и разглядывал её нутро, словно там было что-то более занимательное, чем пиво или вино.

Геста вопросительно посмотрела на Щуку, но тот молча указал взглядом на незнакомца и быстро вышел; занавеси колыхнулись ему вслед. Мужчина всё так же не выказывал никакого интереса к Гесте. Будто и не заметил вовсе. Она чуть помедлила и приблизилась к нему, села напротив. Несколько мгновений просто его разглядывала. В его облике необычными были только перчатки, искусно сшитые, обтягивающие некрупные для мужчины руки. Словно он не хотел открытой

кожей касаться никаких вещей здесь – а потому снимать их не спешил.

– Здрав будь... – решила поприветствовать его Геста, но слова застряли в горле.

Мужчина поднял голову. Его смуглое лицо до носа было скрыто чёрной повязкой, и лишь тёмные глаза с золотыми искрами, как два кинжала, блестели в полумраке.

Глава 3

В тесном тёмном зале пахло пылью и затхлостью. Знать, редко когда здесь появлялся живой человек, а та служанка, которая последний раз возила тут по полу мокрой тряпкой, верно, давно уж померла от старости. С тех же пор за уборку ни разу не брались. Только со столов смахивали время от времени. На стенах от непонятно откуда взявшегося сквозняка покачивались занавеси из когда-то богатого ариванского бархата, кроваво-красного, тяжёлого и плотного. А теперь они больше походили на изношенные тряпки и не только не добавляли залу торжественности, но выглядели так, будто он украшен обрывками шкур кудлатых дворовых псов.

По всему видно, что в Кирияте Гильдия не в почёте и в услугах арияш никогда и никто не нуждался. Счастливы живут. Здесь люди и мыслят-то по-другому, у них свой уклад, который с ариванским не всегда в один узел увяжется. И потому-то Гильдия, процветающая на юго-востоке и западе, протянула на север свои руки не столь уж давно.

Ставр тяжко вздохнул, осматриваясь, и снова опустил взгляд в кружку. На самом доньшке ещё бледно золотилось дешёвое вино, пахнущее вовсе не виноградом с южных земель, а перебродившими мочёными яблоками. Не то чтобы Ставру не хватало денег на дорогое, ариванское, но такого на постоялом дворе «Одноглазая ворона» отродясь не води-

лось. Не на тех постояльцев он рассчитан, которые могут выложить пять кун серебром за чашу тёмно-красного нектара. Местная публика довольствуется тем, что есть – спасибо и на том, что в харчевне не воняет рыбой.

Однако, орюмцек[1] не торопилась.

Зархана сказала, что сегодня ближе к полуночи должна прийти девушка. Стоило появиться в городе, как, на удивление, тут же кто-то поспешил к нему с заказом, хотя Ставр прибыл сюда вовсе не для того, чтобы заработать денег. Но случилась непредвиденная задержка. Так почему бы не разжиться золотом? И Гильдия от своей доли никогда не откажется.

Ставр отпил ещё вина, поморщился от неприятной жгучей горечи. Такая же наполняла его самого, но от приказа урхаса не уклонишься. Сейчас он – Палач – и должен исполнить свой долг, как бы от этого ни становилось паршиво. И вот, ведомый этим долгом, он в Кириате, холодном и неприветливом, как оказалось, городе, вынужден давиться отвратительным пойлом. Хорошо было бы остановиться на богатом постоялом дворе, таком, как высокий и ладный «Княжеский герб», но тогда он привлёк бы к себе слишком много внимания. С Зарханой давняя договоренность. Приходится ночевать здесь.

Ожидание тянулось невыносимо долго, усиливая глухое предчувствие, что назначение Палачом – это не самая большая неприятность, которая могла бы со Ставром случиться.

Наконец хозяйский пасынок Щука, худощавый и юркий, какими и положено быть всем ловким воришкам, стремительно влетел в зал и остановился, пропуская кого-то вперёд. За ним вошла стройная девушка в одежде явно ей не по размеру и настороженно осмотрелась. По бегавшему, растерянному взгляду было заметно, что недавно что-то сильно её напугало – и девица до сих пор не до конца пришла в себя. А может, просто волновалась перед встречей. Среди орюмцев женщины случаются не так уж часто. Но зато почти каждая из них в жестокости превзойдёт любого самого отъявленного головореза.

Ставр опустил голову, натянул повязку. Заказчику запрещено видеть его лицо. Ведь после они, возможно, встретятся на улице между делом ещё много раз. Это для его же безопасности.

Девушка озадаченно посмотрела вслед убежавшему прочь мальчишке, подошла и села напротив. Замерла, словно ожидая, что он заговорит первым. Как бы не так! Не он пришёл сюда, чтобы заказать убийство соперницы или надоевшего мужа. Пусть сама найдёт в себе силы вынести приговор.

Молчаливое разглядывание продолжалось недолго.

– Здрав будь... – звонкий голос незнакомки слишком резко разрушил глухую тишину зала.

Ставр поднял глаза, и девушка осеклась, даже заметно отпрянула. Да, взгляд убийцы не каждый встретит спокойно.

Похоже, не так уж давно она лелеет мысль об убийстве в своей головке. Сама довольно миловидная и ухоженная – сразу видно, что благородных кровей – хоть и пытается прикинуться обычной горожанкой. Янтарного оттенка глазищи сверкают любопытством и настороженностью; рыжая прядь выбилась из-под платка. Северянка?

– Давай сразу к делу, – холодно произнёс Ставр, скользя взглядом по её лицу. Пожелание здоровья жизнь ему не продлит: слишком часто уж его проклинали. Слишком часто прочили подохнуть в канаве, словно крысе.

Девушка прокашлялась, собираясь с мыслями, оглянулась, будто в поисках поддержки. Возможно, передумает – и такое бывало. Почему-то именно при виде Ставра некоторые переставали верить в то, что убийство и правда нужно. Этокое спасение души. Хотя с годами это происходило всё реже.

Но незнакомка не отступилась.

– Я хочу, чтобы вы убили одного человека. Девушку, – она попыталась придать своему голосу больше уверенности. – Как можно скорее.

Значит, всё-таки соперница. Ставр беззвучно усмехнулся. Коварство женщин неиссякаемо. Начинают с малого, а когда уже всё испробовано, готовы даже пойти на крайности. Но, конечно, не самой же марасть изящные ручки чужой кровью. Тем более, когда есть деньги.

Незнакомка снова замолчала, как будто считала, что сказанного достаточно. Об убийстве просить всегда сложно.

Убивать – легко.

– Кто она? – нетерпеливо подогнал её Ставр.

Девушка словно очнулась и продолжила тихо:

– Она служит в дружине моего... жениха. Кметь. Зовут Млада.

Рука Ставра невольно дрогнула. Будь в кружке больше вина, оно выплеснулось бы на стол. Нет, таких совпадений не бывает. Слишком часто за последнее время он слышал это имя. Какова возможность того, что среди жителей Кирята нашлась какая-то другая Млада, способная служить в дружине? Значит, ученица успела перейти дорогу не только Гильдии. Что ж, она всегда была незаурядной. И своевольной.

– Где она сейчас? – голос Ставра с каждым вопросом невольно становился всё более отстранённым.

– Она не в городе. Ушла в поход с дружиной князя.

– Так какого ты пришла сюда так рано? – нахмурившись, проговорил Ставр. – Как вернётся – там и поговорим.

– Неужели нельзя обойтись без ожидания? Ведь она сейчас там, с Драгомиром... Если нужно, я доплачу.

– В таких делах терпение только на пользу.

Девушка снова подняла глаза и осмотрела Ставра с интересом несколько другого рода, чем мгновение назад. Можно было поклясться, что ей нестерпимо хочется сдернуть с его лица повязку. С коварством женщин может соперничать только их любопытство. Вон как зыркает – наверняка, наде-

ется, что только одного очарования и ласкового голоса хватит, чтобы он сорвался с места и бросился разыскивать ученицу в дремучих лесах княжества. Влез в самую гущу дружины, рискуя собственной шеей.

Кто бы мог подумать, что всегда осторожную Младу угораздит рухнуть в змеиное гнездо. Видно, слишком веская у неё была причина, чтобы прийти сюда. Но орюмcek даже понятия не имеет, с кем связалась. Реши она убрать ученицу Ставра своими руками и, скорее, сама лишилась бы жизни, чем оставила бы на её теле хоть царапину. Хотя такие, как она, всегда предпочитают убивать неудобных чужими руками. Эта же подошла к делу со всей ответственностью.

– Так ты возьмёшься? – вдоволь наглядевшись на Ставра, проворковала девица.

Он ухмыльнулся и слегка наклонился вперёд, чувствуя странное притяжение. А она прирожденная лиса, которая вытянет свою выгоду из любой оказии. Только не на того напала.

– А вот это вряд ли, – ядовито процедил он. – Бегать за княжеским войском я не стану – слишком много глаз. Да и четыре дня... Давненько они ушли. Либо дожидаемся её возвращения, либо расходимся прямо сейчас и забываем друг о друге.

Рыжеволосая заметно опешила от столь неожиданного ответа. Видно, считала, что наёмник не может отказаться. Только у Грюмнёрэ есть такое право, установленное много

лет назад. И лучше бы ей не знать, что так или иначе Младенец вынесен приговор. А в этом случае, коли Ставр пойдет на попятный, ему самому не сносить головы. Провинившемуся арияш никто не позволит выжить. Кодекс не прощает вольного с ним обращения. Но это не позволяет любому орюмце помыкать Грюмнёрэ, как мальчиком на побегушках.

– Но как же?.. – пролепетала девушка, всё ещё не находясь, как поступить.

Ставр безразлично пожал плечами.

– Хорошо, – рыжеволосая не иначе переступила через себя, соглашаясь на чужие условия. – Будем дожидаться.

Она совсем оправилась от досады и снова растянула губы в улыбке. Похоже, деваться ей было некуда. Ставра на миг даже кольнуло любопытство, что такое произошло между ней и Младой, раз она пришла сюда, на постоянный двор, куда честному люду лучше не соваться. А уж родовитой девушке и подавно.

– Ты знаешь цену моих услуг? – всё так же бесцветно задал он положенный вопрос.

– Нет, но я готова её услышать, – орюмце скользнула рукой по столу чуть дальше и почти коснулась его одетой в перчатку кисти.

Охмуряет. Хочет сбить цену или Ставр правда её привлёк? Хорошо бы, верно, смотрелась такая, как она, в постели арияш. Сразу видно, что северянка не сторонница особых принципов. Взгляд текущий, как оливковое масло, затягива-

ет и ласкает. Обещает многое. Только вот поддайся – и получишь нож в спину. Таких Ставр видел насквозь.

– Пять сотен кун золотом, – назвал он изрядно завышенную цену. Но на эти деньги у него были свои планы. – Половина сейчас. Вторая – после выполнения заказа.

Рыжая чуть поразмыслила.

– Сейчас заплатить не могу, – она невольно пощупала пояс, будто хотела дотронуться до кошель, но не нашла его. – Мы можем встретиться ещё раз?

Ставр приподнял брови.

– Что ж, можно и встретиться, если не боишься.

Орюмцек поморщилась – знать, успела нажать неприятные воспоминания о пути сюда. Тогда-то, верно, и кошель лишилась.

– Не боюсь, – она уверенно кивнула. – Только почему такая высокая цена за убийство безродной девки?

– Не нравится – выход за спиной.

Ставр, скрывая раздражение, медленно отставил кружку с остатками вина подальше. Можно подумать, кто-то предлагал обсуждать цену. Не на рынке, в конце концов, из-за баранок торгуются.

– Я не против, – быстро исправилась девушка и осмелилась-таки коснуться его ладони. Накрыла своей, маленькой и горячей, и сжала, будто друга просила о безобидном одолжении.

Ставр ещё раз внимательно посмотрел в глубокие, словно

омут, глаза и неспешно отодвинул руку. Всё-таки неплохо было бы... Нет, глупости. Просто долгая дорога даёт о себе знать, а тут так близко сидит холёная жена самого князя.

Князя...

Получается, правитель Кирията не устоял перед Младой? Или это только женские домыслы и ревность? Впрочем, неудивительно. Она всегда притягивала к себе. Даже когда была совсем ещё девчонкой. Временами, устав от тяжёлого нрава ученицы, Ставр жалел, что взял её с собой однажды, но не мог отрицать, что после расставания Млады ему ещё долго не хватало.

Он выдержал молчаливую паузу и поднялся, громыхнув стулом.

– На сегодня достаточно. Встретимся ещё раз, когда она вернётся. Я передам через Зархану, где.

Девушка кивнула и тоже поднялась. Несколько мгновений она смотрела на Ставра, будто хотела сказать что-то ещё, но вздохнула и ушла.

Убедившись, что возвращаться она не надумала, Ставр поднялся к себе в комнату. На первый взгляд могло показаться, что та находится отдельно от других. В том самом пристрое. Но хитро устроенный коридор выводил обратно на постоянный двор, а потому здесь хорошо слышались все звуки из забитой людом харчевни. А порой просачивались и не самые приятные запахи.

Плотно прикрыв щелястую дверь, Ставр снял плащ и ещё

некоторое время размышлял, куда бы его положить. В маленькой, захламлённой каморке едва можно было развернуться. Небольшое окно выходило во внутреннюю часть двора. Внизу иногда пробежали работники харчевни. Вот поварёнок выплеснул помой в корыто для свиней, а те, ещё наверняка сытые, тут же принялись рыться в них носами. Молодая подавальщица вышла, ведя за собой парня, что сегодня утром разгружал провизию с торгового обоза. Они долго целовались, прислонившись к скверно оструганной балке, подпирающей навес, пока громогласная Зархана не разогнала их, потрясая вслед тряпкой.

Ставр отошёл от окна, достал из походной сумки вытянутую трубку из вишнёвого дерева, забил её пахучим табаком и раскурил. Нехорошо. Много раз он пытался бросить эту привычку. Арияш не должны выделять из толпы ни одежда, ни особые черты, ни запахи. Поэтому он старался курить изредка, только когда не предвиделось выполнения заказа. А сейчас, в пустом ожидании того, когда Млада вернется из похода, заняться было особо нечем.

Дождаться девушку так или иначе придётся. Как бы ему ни хотелось уйти, скрыться, оставить постылый приказ за спиной. По сей день его преследовало ощущение, будто он поступает грязно, хоть возился в грязи большую часть жизни. И, привыкнув, казалось бы, ко всему, он не ожидал, что доведётся стать Палачом для Млады.

Но во время разговора с орюмцек ему в голову пришёл

замысел, который при должной осторожности мог уберечь от смерти и ученицу, и его самого. Поэтому он и согласился на бесполезный, в общем-то, заказ. Только перед воплощением стоило ещё раз хорошенько всё обдумать. Время на это есть. Оставалось лишь надеяться, что урхас окажется достаточно терпеливым.

Тот вызвал Ставра в обитель Гильдии больше луны назад. Вызвал из недалёкого от Аривана города, не поленился при-слать одного из лучших своих гёрзаков – одноглазого Равдана. Беловолосый, словно старик, посыльный отыскал его легко, приказал даже отказаться от очередного заказа, который вот-вот должны были оплатить. Раз такое серьёзное дело, деваться некуда.

Ставр появлялся в обители Гильдии редко, только в исключительных случаях или чтобы самому отдать положенную часть прибыли. Даже собственного дома, как многие другие арияш, в Ариване не имел. Ему всегда больше нравилось скитаться, смотреть на разные города, разных людей. И внезапное возвращение на юг не предвещало ничего хорошего. Всю дорогу Равдан молчал, ни словом не давал понять, зачем нужна такая срочность. Если пораскинуть умом, можно было и догадаться самому, но думать над этим вовсе не хотелось. Наверное, Ставр просто знал заранее.

По приезду, не дав ни дня отдыха, одноглазый проводил его в обитель, спрятанную в подземелье храма Трёх богов. Уж там-то, в столь благочестивом месте, её вряд ли кто стал

бы искать. Хотя, сказать по совести, нужные Гильдии люди знали, где она находится. Ставр под надзором – будто бы мог сбежать – прошёл смутно знакомыми коридорами, и его почти грубо впахнули в сумрачную комнату. Оставили наедине с человеком, которого побаивались даже Грюмнёрэ.

Урхас в тот день сидел в обитом кожей кресле, как всегда сокрытый полумраком своих покоев и тенью от капюшона. Если лицо арияш нельзя было видеть заказчикам, то лицо управителя Гильдии – и самим наёмникам. Урхас был молод, скорей всего ровесник Ставру или чуть старше. Никто и никогда не замечал, как один человек сменял на этом месте другого. Среди арияш поговаривали о тайном Совете, который каждый раз отбирал подходящего на роль управителя человека. Но никто не знал об этом наверняка.

– Здравствуй, Ставр, – голос с лёгким западным оттенком словно пытался успокоить.

Но Ставр и так был спокоен. Тогда он ещё наивно думал, будто убить незнакомого ему арияш будет легко и он быстро отделается от этой тяготящей обязанности.

– Приветствую, урхас.

– Ты, наверное, знаешь, для чего я тебя позвал. В этот раз ты назначен Палачом для одного арияш, который нарушил Кодекс. Точнее... нарушила.

Уже тогда сердце предательски ёкнуло, но ещё оставалась слабая надежда, что это не Млада. Женщин в Гильдии во все времена было мало. Они не выдерживали сложных испыта-

ний или быстро отказывались от столь сомнительной работы. Слишком чувствительные создания, чтобы хладнокровно убивать кого-то иногда несколько раз за луну. Хотя и среди них попадались такие, которые, не моргнув глазом, могли зарезать исподтишка кого угодно. Но приходилось встречать их крайне редко.

– Я слушаю, урхас, – Ставр попытался как можно тише сглотнуть комок, что уже встал в горле.

– Сначала я объясню, почему именно ты, – управитель пошевелился и сложил руки перед собой, соединив пальцы. – Дело в том, что даже среди самой дисциплинированной и сильной группы арияш бывают люди, которые считают, будто в праве нарушать Кодекс. Я говорю о Грюмнёрэ. Такого не случилось уже очень и очень давно.

Ставр чувствовал, как ладони покрываются холодной испариной. Он шарил глазами по комнате, в которой всё равно нельзя было ничего разглядеть, стараясь побороть вязкий холод, что всё сильнее заливал нутро. Каждое слово урхаса опускалось на голову тяжёлым молотом.

– Чуть больше двух седмиц назад твоя бывшая ученица... Млада. Она убила арияш, который всего лишь пытался выполнить заказ. Чем нарушила Кодекс.

«Не убивать соратника без его вины».

Что может быть проще? Просто не связываться с другими арияш, не замечать, делать вид, что их нет и их дела тебя не заботят. Ведь не так уж часто они встречаются друг с другом.

Нужно, насколько это возможно, отстраниться от Гильдии. Но она не смогла. Это можно было предвидеть.

Тем временем урхас продолжил:

– Она находится сейчас в городе Кирият, что далеко на северо-западе отсюда. Служит у князя в дружине. Не знаю уж, какая надобность её туда привела. Это не возбраняется. Но она не должна была вмешиваться.

– Да, я понимаю, – чужой самому себе голос Ставра звучал отрешённо и мёртво.

– Она сильна. Я не могу рисковать и отправлять за ней юнца. А их сейчас стало слишком много, много больше, чем опытных арияш, – урхас сокрушённо вздохнул. Да, последние лета наёмники стали гибнуть гораздо чаще, чем раньше. Но даже из-за этого устои Кодекса никто менять не собирався. – Думается, только ты, Ставр, сможешь с ней справиться. Ты знаешь её лучше других, знаешь её слабые места. Отправляешься в Кирият немедленно. Там суровая зима, так что подбери одежду потеплее.

Ставр скривился от такой исключительной заботы. С той же вежливой миной он мог бы приказать вспороть самому себе брюхо кинжалом.

Отдав приказ, урхас замолчал и замер, словно обратился статуей. Совершенно пустой, настолько, что собственные шаги эхом отдавались где-то внутри, Ставр тогда покинул обитель. А сейчас сидел в убогой комнатёнке постоянного двора «Одноглазая ворона» и размышлял о том, что будет,

когда он встретит Младу. Иногда ему казалось, что он забыл лицо ученицы. Теперь же все восемь лет, проведенные рядом с ней, пробежали перед глазами, словно он видел её только вчера.

Млада была единственной его ученицей. Старательной и бесстрашной, чаще хладнокровной, но иногда по-юношески страстной. Она внимала всему мгновенно, и словно была создана для убийств. Чёткие движения, мощь, несвойственная девушке. Млада упорно тренировалась, а затем преодолевала все испытания легко, словно это не стоило ей никаких усилий. Она терпела боль, ушибы, бессонные ночи, долгие путешествия. Ставр видел, что она станет опаснее его со временем. Хотя он и был на момент встречи с Младой арияш с опытом больше десяти лет.

Сам он родился в ариванских трущобах, и не успело ему исполниться восьми, как его родителей за долги продали в рабство. Раскалённый день, когда кажется, плавилась даже дома вокруг рынка работорговцев, он запомнил на всю жизнь. Знатные горожане неохотно покидали резные паланкины, прохаживались вдоль помостов, где стояли, страдая от зноя, люди, которым не повезло в жизни или у кого не хватило сил справиться с её тяготами. Ставр, как шальной, зыркал по сторонам, надеясь, что от усталости и жары у надсмотрщиков притупится внимание: он давно решил, что не хочет быть рабом, гнуть спину, работая на людей, считающих тебя ниже скота. Да и попросту ему было страшно. Даже ещё бо-

лее страшно, чем в тот день, когда он едва не попал под копыта коня у площади. Из-за возраста его не связали, просто оставили стоять рядом с полумёртвой от ужаса и свалившегося на неё безразличия матерью.

И Ставр сбежал. Он выхватил из ножен на поясе торговца рабами кинжал и всадил тому в живот. Вряд ли ранение оказалось слишком серьёзным. Такой слой жира, как на пузе масляного Ровсхала, ещё нужно было постараться пробить. Ставра пытались поймать, но он юрко проскакивал меж протянутых к нему рук, бежал по извилистым пыльным улицам древнего города, изо всех сил расталкивая прохожих. Прятался за прилавками и домами, пока не оказался на окраине.

Там он таился то в одной заброшенной лачуге, то в другой, боялся, что его отыщут. Но торговцам живым товаром, похоже, быстро стало всё равно. Да и страже, к которой обратились с просьбой поймать беглого раба – тоже. Чахлый мальчишка не стоил хлопот и сил, что требовались на его поиски. Всё равно много денег за него не отдал бы даже самый щедрый покупатель. Скорей всего за пару медяков его забрали бы на северные каменоломни. А там подохнет через пару лун – не жаль.

Поначалу сладкая свобода скоро обернулась опасностью голодной смерти. Приходилось воровать и снова убегать от тех, кто хотел бы забить его насмерть палками из-за чёрствой лепёшки. И со временем уходить незамеченным ему удавалось всё чаще.

Однажды Ставр даже решил стащить кошель с пояса одного горожанина. Приноровившись таскать с прилавков еду, он посчитал, что это легко ему удастся. Ведь высокий, стройный мужчина с едва уловимой плавностью в движениях не обращал на него никакого внимания, приценивался на рынке к искусно вытканному ковру. Но лишь Ставр протянул руку, чтобы срезать кошель, как невероятно быстрые и крепкие пальцы схватили его за запястье. Холодный и бесстрастный взгляд тёмно-карих глаз пронзил, заставляя колени подогнуться, и Ставр повис в хватке незнакомца безвольной тряпкой.

Мужчина долго рассматривал его, как тот ковёр, что так и остался лежать на прилавке, а потом куда-то повёл. Торговец разочарованно провожал взглядом сорвавшегося покупателя и, наверняка, клял Ставра последними словами. Незнакомец, не разжимая пальцев, тащил через подворотни, мимо горожан, безразлично скользящих взглядами по неудачливому воришке. Затем остановился в переулке, развернул Ставра и, схватив за горло, прижал к стене.

– А ты ловок, парень. Я тебя не сразу заметил, – мужчина смотрел внимательно, прищурившись.

Ставр не знал, можно ли ему что-то отвечать, или стоит держать язык за зубами. Смолчав тогда, он невольно выучил первый урок арияш. Незнакомец довольно усмехнулся.

– Я предложу тебе кое-что и знаю, что ты согласишься. Вижу, ты способный мальчишка, а я как раз ищу ученика.

Хочешь научиться тому, что будет обеспечивать тебе безбедную жизнь?

Ставр неуверенно кивнул.

– Хорошо. Но помни: о том, что ты увидишь и услышишь, ты никогда и никому не должен говорить.

Так Ставр попал в обитель Гильдии арияш.

Со временем он понял, что наёмники отличаются друг от друга. Некоторые жили в основном в Ариване, только изредка его покидая, но были слабы, хоть и брали за свои услуги больше многих. А ошивались здесь лишь потому, что так заказы можно было найти проще всего. Именно сюда, следуя старинным устоям и слухам, приезжали орюмцек со всех земель. И поток их не иссекал. Да и под крылом Гильдии и её богатых покровителей всё ж спокойнее.

Другие же арияш почти не появлялись в обители, предпочитая менять города, не привязываясь к одному месту. К сожалению, учитель относился к первым. Но стоило признать, обучал он хорошо и терпеливо, хоть и спуску не давал.

Лишь Ставр достиг подходящего возраста, он покинул Ариван, ведомый жадой увидеть как можно больше. На удивление, заказы находили его сами, стоило только связаться с людьми, принадлежащими Гильдии, которые жили почти в каждом крупном городе. Поначалу выполнять их было сложно и страшно. Каждый раз Ставр мысленно прощался с жизнью, опасаясь, что его поймают и накажут. Затем постепенно пришло безразличие.

По настоянию учителя, который ещё некоторое время приглядывал за подопечным, он отправился на поиски легендарного Мастера Гильдии, чтобы стать одним из Грюмнёрэ. Никто не был уверен, насколько стар Песчаный Ворон, но считалось, что он живет на затерянном в бескрайней пустыне оазисе уже не одну сотню лет. Говорили, редко какой арияш, рискнувший пойти к нему, добирался целым. Многие умирали на пороге его обители, погибали в песках от жажды или в схватке с кровожадными тварями, что населяли пустыню и нападали по ночам. Ужасы, пережитые на пути к Ворону, Ставр старался не вспоминать.

Но много раз он помышлял о смерти, уже добравшись до него.

Мастер не отличался обходительным и терпеливым обращением. Он жестоко и упорно вытравливал из ученика все чувства, привязанности и страхи. За каждую ошибку или неповиновение приходилось расплачиваться своей же кровью. Тогда Ставр чувствовал себя по другую сторону, будто не он, а его убивали, истязая, заставляя молить о том, чтобы это уже закончилось.

Но затем страх смерти ушёл. Ушло и уважение к ней. Всё стало однотонным, не разделяясь на чёрное и белое, и даже кровь перестала казаться такой красной. Остались лишь постулаты Кодекса, что должен был знать каждый арияш или Грюмнёрэ. Всего несколько строчек на листе, которыми нельзя пренебрегать. Всё остальное было дозволено. Всё

равно, кого и где убивать, если это не противоречило устоям Гильдии. Но даже эти вседозволенность и безнаказанность не радовали, не наполняли упоением от сознания собственной силы.

Грюмнёрэ отдавали самые сложные и дорогие заказы. Если кому-то нужно было убить особо охраняемого вельможу или знатного горожанина, обращались к ним. Ходили слухи даже о загадочных несчастных случаях и с правителями. Их неизменно приписывали Грюмнёрэ, и в этом была большая доля правды.

Ставр брался за всё, хоть и имел право выбора. Он был пуст, как надколотая склянка, из которой постепенно вытекло содержимое. Лето за летом он выполнял свои заказы, не замечая, что перестает ощущать жизнь и с каждым убийством сам становится всё более мёртвым. Для всех он был просто путником, для знающих – человеком, к которому можно обратиться по самым «тайным» вопросам.

Но одним вечером всё поменялось.

В деревне, название которой стёрлось из памяти, как и другие, он остановился на несколько дней для отдыха и встречи с гёрзаком. Там-то к нему и подошла девочка лет двенадцати, попросила взять её с собой и научить тому, что он умеет. Каждый арияш имел право со временем взять себе ученика, но тогда Ставр не был к этому готов. Да и считал, что на покой ему ой как рано. Просьба была неожиданной, но он не смог отказаться, ощутив силу и решимость, что ис-

ходила от девчонки. Она пришла утром в условленный час и назвалась Младой. Он же так и не сказал ей своего имени.

Ремесло Ставра не удивило её и, кажется, даже обрадовало. Тогда это показалось странным и пугающим. Но, как оказалось, на то была своя причина. Лишь через несколько лет после встречи Млада рассказала, что её родную деревню уничтожило воинственное племя. Они убили её семью и весь род. Она постоянно несла в себе иссушающую жажду мести, и как бы Ставр ни пытался вытравить её из ученицы, она не поддавалась. Только усиливалась со временем.

В конце концов, он сдался. Всё-таки, ненависть придавала Младе сил делать то, от чего любая другая девушка отказалась бы. Она была вихрем, сметающим на своем пути всех противников, что ей попадались. Она была кровожадна, как беспощадная стихия. Свой первый заказ она выполнила гораздо позже, чем это в свое время сделал Ставр, но именно тогда в ней проявились все задатки Грюмнёрэ.

Но не только это делало её особенной. Не только это оставило о ней память, которой у Ставра не должно было остаться.

Лета, на протяжении которых он был единственным близким Младе человеком, не прошли бесследно. Ставр не мог точно сказать, когда догадался, что она любит его. Осознание этого пришло постепенно, с очередным мимолётным прикосновением, взглядом, улыбкой. А Млада молчала, зная, что так будет лучше. Обращаясь внутрь себя, Ставр не чув-

ствовал ничего. Верно, его способность любить умерла в обители Песчаного Ворона, а может, и того раньше. Но только рядом с Младой он в полной мере осознал горечь этого.

В тот же самый миг, как эта ядовитая мысль попала в голову, Ставр начал видеть то, чего раньше не замечал. Зелёные, мерцающие неуловимым огнём, глаза Млады сначала смотрели на него с ожиданием, позже – с желанием, на которое он не мог себе позволить откликнуться. Хоть и безумно хотел этого. Он не любил её никогда, вот только противиться естественному для мужчины влечению с каждой луной становилось всё сложнее.

Та ночь была душной, как и большинство в окрестностях Аривана. Лениво тренькали цикады снаружи, и ветер загонял вязкий воздух в окно. Они заночевали в одной из лагун, которые были построены пастухами или караванщиками вдоль всего Восточного пути. Тихо и ярко горел костёр, и лицо Млады в его отсветах казалось окутанным собственным сиянием. Она давно уже догадалась, что скоро им придётся расстаться – пришло время ей отправляться к Ворону. В Гильдии очень скоро прознали, что ученица Ставра подаёт большие надежды – и приказ урхаса последовал незамедлительно.

Поэтому Млада была молчаливее, чем обычно, и всё прятала глаза, бездумно строгала ножом ненужную веточку. Ставр, растянувшись у костра на войлоке рядом с ней, в сотый раз собирался с духом, чтобы сказать напоследок хоть

что-то. Но все нужные слова, к которым он и так прибегал не так уж часто, повывлетали из головы.

– Значит, я не могу отказаться пойти к Ворону? – проговорила Млада так неожиданно, что Ставр едва не вздрогнул.

– Не можешь. Это большая честь – ты будешь лучшей из арияш.

– А если я не хочу? Если мне достаточно того, что я уже умею?

– Ты умеешь очень мало. Ты поймёшь.

Млада вздохнула, слишком резко провела ножом по ветке, и та сломалась.

– Если я хочу остаться... С тобой?

Пожалуй, этих слов он опасался больше всего. Открытого признания в том, что до сих пор безмолвно висело между ними.

– Это невозможно. Рано или поздно нам придётся разойтись в разные стороны.

– А если пойти в одну? Вместе? – её голос дрогнул. – Сбежать от Гильдии? Уйти далеко. Очень далеко.

– Млада, – Ставр сел и заглянул ей в лицо, – разве ты училась так долго для того, чтобы потом сбежать? Гильдия найдёт тебя и меня всё равно. И наказание будет жестоким. А откупиться ни у тебя, ни у меня денег не хватит. Неужели это того стоит?

– Стоит! – упрямо дёрнула она подбородком, всё так же не поднимая глаз.

– Нет. Я не стою твоей жизни. Не смогу принести тебе радости и защитить тебя. Я просто не способен на это.

Она бросила в костёр надоевшую веточку и взглянула на него.

– Откуда ты знаешь?

– Просто знаю.

Млада замолчала надолго, пристально рассматривая его лицо. И вдруг подалась вперёд. На миг Ставр отчётливо почувствовал запах корицы. Ученица иногда тайком покупала её, когда случалось бывать на рынке Аривана. Сладкий пряный запах нравился ей и, несмотря на все запреты, она слегка смазывала маслом корицы запястья. В пути Млада время от времени прижимала руку к носу и вдыхала аромат – наверное, это улучшало её настроение. Или дарило тепло, которого она была лишена всё время обучения.

Ставр не отстранился, замороженный её близостью. Голову ощутимо повело от шальной мысли хоть раз... всего один только раз поддаться слабости. Ведь завтра он Младу уже не увидит.

– Останься со мной, – прошептала девушка.

– Я не могу.

Но вопреки своим же словам Ставр взял её за плечи и безоглядно впился поцелуем в губы. Казалось, ничего в мире он не хотел в этот миг больше. Просто чувствовать её вкус и запах. Как можно сильнее и ближе. Торопливо он снимал с Млады одежду, касался гладкой кожи, которая будто бы сама

льнула к ладоням, струилась под ними. Её плотно слеппенное в тренировках тело теперь вдруг стало податливым и послушным каждому его движению. Он не мог остановиться. Никакого усилия воли не хватило бы теперь, чтобы заставить его оттолкнуть Младу. А она хваталась за него, прижималась теснее, словно верила, что это его удержит.

Следующую ночь, словно связанный тягой к дурманному зелью, он снова провёл с ней. И ещё седмицу после. День за днём. Пока одним утром не проснулся с ясным пониманием того, что ещё немного – и вырваться из этого круговорота не сумеет. На дне сумки он нашёл позабытую там карту с отметкой обители Ворона, оставил её на ворохе одежды Млады и ушёл.

Ставр знал, что она может и не выжить по дороге, пытался убедить себя, что это его не волнует, и никогда не старался нарочно следить за её судьбой. Он вернулся к обычной жизни, словно и не было в ней девушки с волосами цвета грецкого мёда и глазами, пылающими гневом и страстью. Не было свежего ветра, принесшего в его жизнь что-то кроме бессмысленности и скитаний.

Больше двух лет Ставр ничего о ней не слышал.

До того дня, когда встретился с урхасом Гильдии. Теперь первый раз за двадцать лет он не ощущал в себе сил выполнить приказ. И чем дольше думал о Младе, тем отчётливее понимал, что выполнять его не станет.

[1] Орюмцек – (арив.) паук. Так арияш между собой на-

зывают заказчиков.

Глава 4

Наказанные за драку ватажники остались в Беглице на попечении старосты Ратибора уже три дня назад. Но над войском как будто до сих пор висела тень того скверного случая. Кмети и верегі вовсе перестали даже взгляды бросать друг в сторону друга. А мужики из сотен, которые поначалу пытались влиться в ряды городских дружинников, теперь держались в стороне. На привалах это становилось особенно заметно.

Хальвдан, который долгое время угрюмо помалкивал, постепенно стал ворчать, дескать, Драгомир в первый же день довёл войско до раздора. Как они теперь будут сражаться бок о бок? Бажан безмолвно его поддерживал.

Сам же Драгомир на словесные выпады верега старался не обращать внимания. Сам знал, что с наказанием погорячился. Но в тот момент оно казалось ему самым справедливым. А на следующее утро, промаявшись полночи без сна, он чувствовал себя так, будто по нему проехался гружёный обоз – и дело было вовсе не в усталости от долгого дня. Голову озарило запоздалое благоразумие – но было уже поздно. Чуть пришедшие в себя за ночь Медведь и верег Дьярви после побоев продолжать путь никак не могли.

Тогда, тихо подозвав к себе Лешко, Драгомир приказал вернуть отобранный накануне меч кметю. Может, это хоть

как-то поможет ему скорее оправиться.

За несколько дней слегка приноровившись к порядку заметённой дороге, войско теперь шло гораздо более споро. На привалы останавливались нечасто. Но, так или иначе, и лошадям, и людям время от времени нужен отдых. Поэтому, как только войско, пополнив припасы, миновало последнюю деревню большого племени Рысей, расселившегося от Кирията далеко на юг, Драгомир распорядился устроить длительную стоянку на ночь. Чуть погодя он обошёл обширный лагерь и с удовлетворением отметил, что настрой ватажников стал не столь напряжённым, как пару дней назад. Знать, притупились воспоминания, избитых воинов отжалели, свершившуюся несправедливость обсудили вдоль и поперёк. То и дело Драгомир всё же чувствовал на себе тяжёлые взгляды, но их стало много меньше.

Однако смутная тревога, что поселилась внутри ещё до отбытия за ворота детинца и часто не давала заснуть, всё никак не отпускала. Мешала, как заноза, которую не удаётся подцепить и достать из-под кожи. Даже проходя по лагерю, Драгомир невольно озирался: как бы не подойти слишком близко к мальчишке-вельду – ведь тот мог оказаться где угодно. Да, Младе было приказано надзирать за ним внимательно, но случается всякое. Очень уж не хотелось снова испытать то, что уже однажды довелось. Тогда всё словно трескалось, расползалось на части одной огромной раной, тонуло в глубокой боли, рвущей тело. После случившегося даже мир

вокруг утратил часть красок, стал тусклым и мутным. Эта муть то становилась непрогляднее, то отступала. В самые тяжёлые моменты Драгомиру невыносимо хотелось позвать к себе Младу, чтобы развеять её. Но разве гоже правителю признаваться в слабости? Пусть даже и перед одним-единственным человеком. Где знает один – там и двое. А там и остальные.

Отвечеряв вместе с воеводами и тысяцким, которые тоже заметили изменения в войске, а потому подобрили, Драгомир сел на лежанку, медленно расстегнул корзно и бросил его тут же, на сундук. Скинул кожух, сапоги и в оставшейся одежде лёг. Попытался устроиться поудобнее, но походная лежанка нынче словно была набита иголками. Да и постель в замке сейчас вряд ли показалась бы ему более мягкой.

Лагерь понемногу засыпал, только время от времени перекликались дозорные. Ветер снаружи, весь день тихий и едва ощутимый, завывал всё сильнее, трепал холщовые стены шатра, норовил пробраться в каждую щель. Снежинки тысячами мелких крупинок били по поверхности, наполняя воздух еле различимым шелестом. Он становился всё громче и громче, пока не начал вызывать отвращение, точно сотни насекомых ползали вокруг.

Драгомир ещё долго прислушивался к тому, что происходит в лагере, пока его не накрыла тяжёлая дремота. Отрывки странного сна замелькали перед глазами, словно врываясь в распахнутое ветром окно. Сначала прозрачные, а затем ося-

заемые, наполненные светом давно прошедших лет. Пытаясь уследить за ними, Драгомир всё больше путался в одолевающих его образах. Яркие картины из детства преплетались с очертаниями ариванских домов и бескрайних северных просторов. Он как будто вновь проживал свою жизнь, вспоминал то, что видел когда-то.

Внезапно зыбкие образы потемнели, подёрнулись дымкой и отступили. Теперь на холме, опоясанном блестящей змеей реки, стояли восемь идолов. Но не те, которые он когда-то приказал возвести в Кирияте. Древнее, окруженное кривыми, разлапистыми соснами капище казалось выше и старше их. От него исходил страх народов, чтущих Богов, словно дубовые идолы были пропитаны им. Дерево потемнело от непогоды и времени, но лики их были чёткими, словно вырезанные вчера. Люди копошились вокруг, подкапывали у основания, укладывали дрова и хворост. Лишь один человек наблюдал за кипящей вокруг работой со стороны. Драгомир не видел его лица. Незнакомец стоял поодаль, сложив руки за спиной и его тёмно-красный плащ трепал ветер.

Когда суета улеглась, кто-то поднёс незнакомцу факел; тот медленно обошёл вокруг каждого идола и поджёг их. Огонь расходился неохотно, лениво охаживал жадными всполохами основания божеств, поднимаясь всё выше. Темнота вихрем закручивалась над горящим капищем, сливалась с низкими седыми тучами; вороны с громким, наглым карканьем слетались к нему и кружили, как крупитцы пепла у костра.

Дымом заволокло всё вокруг, а когда он рассеялся, на месте капища уже стоял огромный каменный замок. Он намного превосходил по размерам замок в Кириате.

Серые гранитные глыбы, из которых он был сложен, озярялись восходящим солнцем. Стяги с неразборчивым гербом то вскидывались, подхваченные ветром, то опадали. Медленно выползал из-за окоёма диск светила. Его заливало багрянцем, словно кубок – ариванским вином. Горели тем же светом разодранные на куски тучи. Стены замка, будто омытые кровью, оплывали расплавленным воском, растекались вниз по холму, окрашивали воды Нейры. Трава жухла под тягучими потоками, дымилась, земля вздрагивала от боли, пронизывающей её точно хвораго человека.

Чужое дыхание слышалось сзади, и тяжёлая рука огладила по спине. Остановилась под левой лопаткой Драгомира, словно примериваясь. Казалось, ещё чуть-чуть и последует удар ножом, но время шло, вытягивая жилы, но ничего не происходило. Хотелось высвободиться из вязкого плена сновидения, но оно закончилось само, оборвалось, как верёвка от чрезмерного усилия. Вязкой тяжестью навалилось утро. Ночь напоминала о себе засевшими в памяти рваными образами, заставляя поверить в то, что всё же была.

Вместе с блеклым светом позднего зимнего восхода лагерь накрыла жестокая непогода. Остервенелый ветер рвал закреплённый завязками полог шатра и качал его, будто силась вот-вот выдрать из земли колья. Внутри было промозг-

ло, и даже разведённый огонь не помогал прогнать холод. Драгомир закрыл глаза ладонью, отказываясь мириться с тем, что нужно вставать. Сон не принёс отдыха, а только вытянул силы. Гомон громко матерящихся сквозь завывания ветра и скрип сосен кметей заполнял лагерь. Хлопали палатки и шатры, гремели посуда и оружие, лошади фыркали, снег скрипел под ногами проходящих мимо людей.

Драгомир поднялся и ополоснул лицо ледяной водой из оставленного с вечернего умывания ушата. И вместе с ней по коже словно стекали обрывки сна. Подробности его стирались из памяти, осталось только давящее чувство пережитого беспокойства и опасности. Отражение Драгомира, дрожащее от расходящихся на поверхности кругов, показывало, что он сейчас не в лучшем состоянии. Щёки заметно ввалились, ещё сильнее очерчивая скулы, глаза потемнели и отсвечивали незнакомой ему самому сталью. На подбородке и щеках торчком стояла какая-то диковатая щетина. Тяжелый вздох невольно сорвался с губ. Драгомир опустил руку в ушат, разрушая своё отражение.

С хрустким от мороза шелестом откинулся полог шатра, и тут же позади раздался беспардонный возглас Хальвдана: – Ну? Долго будешь на себя любоваться?

Скомканное полотенце прилетело в спину и упало на притоптанный снег. Драгомир выпрямился, тряхнул головой, откидывая упавшие на лоб волосы, и медленно, с угрозой повернулся. Хальвдан, хмурясь, смахнул с плеч снег и взглянул

так же недобро и подозрительно, как несколько дней назад. До сих пор серчает, никак не может простить наказание своего воина. Всё одно к другому.

– Паршиво выглядишь, – дёрнув бровью, невесело хмыкнул верег.

– Скоро ещё и вонять будем похлеще бродяг.

Хальвдан согласно покачал головой, но тут же ехидно улыбнулся.

– Ты-то по кнезовому делу можешь и в баню к какому старосте напроситься. Не откажут.

Драгомир хотел было ответить, что некие благодарные девицы тоже могут пустить доблестного воеводу к себе в баньку. Да ещё и попарить хорошенько. Но, передумав вступать с ним в очередные пустые пререкания, поднял полотенце и промокнул лицо.

– Скажи. Тебе снятся скверные сны, Хальвдан?

Тот сложил руки на груди и прошёл дальше в шатёр. Вряд ли что-то беспокоило его настолько, чтобы находило отражение во снах. Верег всегда относился к жизни и неурядицам проще, говорил, что нить его судьбы спрядена ещё у колыбели – так к чему изводить себя по каждому поводу. Да и вёл себя порой так, будто за его спиной стояли все северные Боги разом. Но лицо Хальвдана вдруг утратило издевательское выражение, и он оглядел Драгомира более участливо.

– И давно?

– Первый раз сегодня, – Драгомир проследил взглядом за

Лешко, который наконец принёс нагретую на костре воду. Только уж надобности в ней не было. Мальчишка, поняв это, виновато поклонился и снова убежал, видно, за завтраком. — И вроде ничего особенного. Как будто обо мне. А вроде, и нет.

— Будь ты верегом, — прохаживаясь мимо, размеренно проговорил Хальвдан, — я бы сказал, что вещие норны посылают тебе предзнаменование. Встречал, бывало, как некоторые воины видели во снах то, о чём нам обычно знать не суждено. А после всё и сбывалось. Хорошее или плохое — по-разному. Но как оно у вас, немеров, заведено — судить не возьмусь.

— А... пёс с ним. Всё это глупости, — Драгомир махнул рукой.

— Как знаешь... Я только предупредить хотел.

Может, в словах Хальвдана и была доля истины. Драгомиру даже казалось, что однажды он уже видел того незнакомца в багряном корзне. Но как увязать сон с тем, что могло его ждать в походе, он придумать никак не мог. И вряд ли кто-то в этом деле ему поможет. Супротив многих других правителей, Драгомир отродясь не привечал подле себя ни провидцев, ни ведунов. Всегда считал, что они порядком засоряют голову ненужными мыслями, а то и до беды какой могут довести. А верег, от которого, кроме как по делу, серьёзное слово не всегда услышишь, тоже плохо годился на место толкователя. Поэтому Драгомир решил этот разговор

оставить.

– Скажи лучше, сильное ненастье началось? Мы сможем пойти дальше?

– Выйди да и сам посмотри, – буркнул верег. – Снега намело по уши, ветер чуть из сапог не выдёргивает. Парни палатки по всему лагерю ловят.

– Значит, остаёмся, пока не утихнет.

– Остаёмся. Куда идти в такой буран? Авось, долго не продлится.

– Время потеряем, – Драгомир вздохнул с сожалением, глянув в просвет полога, за которым, словно обезумев, метались мелкие снежинки.

– Мы потеряем больше времени, если будем в непогоду по лесу блукать. А тут хотя бы деревня недалеко, коли чего.

Да, в такую непогоду лучше всего было оказаться рядом с каким селением. Там и укрытия можно попросить, если станет совсем уж худо. Большому войску разместиться сложно, но, коли припечёт, так хоть по пять дюжин человек в овин – и то не до жалоб. Но пока что бежать к Рысям было рано. Просто сильный снегопад. Пройдёт туча, может, ещё до середины дня – а там видно будет.

Словно подчинившись чаяниям всех воинов дружины, снегопад и ветер стихли. Правда, лишь к сумеркам, а потому пришлось оставаться в еле видимом среди сугробов лагере ещё на одну ночёвку. Всю ночь было тихо. Мужики, насидевшись в палатках, отогревались у костров и сушили по-

рядком промокшую за день одежду.

Наутро из-за облаков даже проглянуло солнце, жёлтое и яркое – точно весной. Воины оживились, словно застоявшиеся без движения кони. Но Хальвдан, побродив в округе, посоветовал покамест остаться на месте. А на недовольство дружинников только рявкнул:

– Вот увидите, к вечеру снова снегопад налетит. Это временное затишье.

И кмети поверили ему. Уж северянин смыслит в не погоде лучше многих. Правда, вынужденное безделье никого не обрadowало.

– Может, успели бы хоть до следующего поста добратъся, – с надеждой обратился Бажан к верегу на сборе старшин. Но тот остался непреклонен.

– Это только кажется, что погода наладилась. Но за такой бурей обычно идет новая.

И оказался прав. К сумерки на чистое небо вновь напoлзла сумрачная стена зеленоvато-синих туч, и ненастье навалилось с удвоенной силой. То и дело приходилось стряхивать со стен шатров и палаток снег, чтобы не поломало опоры.

На этот раз буря уgomонилась к рассвету. А потому воины, дождавшись приказа воевод, на удивление расторопно собрались в путь. Между тем, за немилостивым снегопадом пришло нежданное тепло. Днём оттепель разошлась, будто природа вдруг позабыла, что вокруг только начало Сечня. Щедро выпавший накануне нег напoлнился влагой, сугробы

осели. Даже можно было распахнуть корзно, не боясь, что разъярённый ветер вынет душу.

Радуюсь тому, что непогода отступила, Драгомир позабыл и о своем недавнем беспокойстве. Казалось, Боги наконец-то дали знак, что, несмотря на все неурядицы, всё сложится хорошо. Может, уваженный ристаньями и пиром Индра будет благоволить им всю дорогу.

Расхлябистая по случаю внезапного тепла дорога уводила войско всё дальше на юг от весей племени Рысей. Теперь деревни будут встречаться реже. Здесь селились немцы небольшими общинами, а то и вовсе отдельными семьями. И лишь через много вёрст начинались земли тривичей. Там их, верно, уже будут поджидать Восточные сотни – их-то буря скорей всего миновала.

Но, будто в насмешку надо всеми людскими надеждами, к вечеру лес вместо благостного умиротворения охватило и вовсе тягостное безмолвие. Ветер не колыхал ни единой ветки, не гнал позёмку. Хоть зимой в глуши почти всегда тихо, но теперь даже воздух будто бы застыл, поглощая все звуки. С запада друг за дружкой поползли сначала одинокие облака, а за ними, как на привязи, потянулось сумрачное покрывало лохматых, словно безумные старцы, снежных туч. Скоро так и не успевшее упасть за окоём солнце потонуло в сплошной хмари.

Драгомир не сразу заметил, что все вокруг замолчали. Тихину разрушал только глухой скрип снега под копытами ко-

ней, ногами кметей и полозьями саней. Воины точно впали в оцепенение и зыркали по сторонам в ожидании подвоха. И казалось, что у каждого в голове засел один и тот же вопрос.

Что происходит? Ведь ничто не предвещало нового ненастья.

А к ночи лес скинул с себя настороженную неподвижность и зашумел, зашелестел, наполнился завываниями ветра, сначала тихими, а затем всё более смелыми и угрожающими. Погода, как и накануне, портилась настолько стремительно, что совершенно невозможно было уследить, когда начался снегопад, перешедший в настоящий буран. Вот вокруг всё спокойно и мёртво, а в следующее мгновение оголтелые порывы ветра уже срывают с плеч корзны, забивают нос и глаза снегом. Сосны стонали и кренились; дорогу не стало видно уже на расстоянии вытянутой руки. Всё повторялось, как в плохом сне. Вот только войско теперь не стояло добротным лагерем на привале, а застряло где-то в чащобе бесконечных лесов, вдалеке от любого людского жилья.

Внезапно жеребец Драгомира упрямо встал и пригнул голову. Он недовольно закусывал удила, по его намокшей шкуре ходили волны раздражения. Никакие уговоры и успокаивающие похлопывания по шее не могли заставить его идти дальше. Да и остальные остановились в попытке хоть что-то разглядеть, прикрывая глаза ладонями.

– Что за пропасть? – донёсся из-за спины голос Бажана. Крепкое ругательство потонуло в гудении ветра и рыданиях

гнувшихся под его напором деревьев.

Воевода поравнялся с Драгомиром, повернулся к ветру боком и замер. Тут же с наветренной стороны его начало облеплять снегом.

— Так дальше ехать нельзя, — пытаюсь докричаться сквозь гул, обратился к нему Драгомир и едва успел поймать сорванную с головы шапку. Солидный ком снега с околыша посыпался за шиворот вперемешку с талыми струями, стекающими по лицу.

— Снова разбивать лагерь? — Бажан стряхнул с плеча целый сугроб, налипший в считанные мгновения, и огляделся. — Ни зги не видать. Заплутаем. Эти тучи преследуют нас, чтоль?

В первый миг Драгомир даже готов был в это поверить. Как будто ненастье, отступив прошлым днём, сделало круг и, набравшись сил, снова нарочно навалилось на войско. Лишь бы не дать идти дальше. Замести, похоронить под слоем снега, который, только ударит мороз, схватится толстой коркой.

Драгомир тревожно огляделся, словно кто-то тронул его за плечо, и показалось, что среди белёсых снежных потоков можно разглядеть женскую фигуру, замершую между бурых стволов сосен. Не хрупкую, сотканную из льда и морозной пыли, а высокую, властную и угрожающую. Откуда здесь взяться женщине? Но с новым ударом ветра, наваждение развеялось: это всего лишь причудливой формы сугроб, наметённый на поваленной берёзе.

Сквозь вой бури прорвался голос подъехавшего Хальвдана:

– Хорошего лагеря так не разобьёшь. Но остановиться надо, иначе нас заметёт прямо на этой дороге.

– Ты ж сказал, что больше бури не будет, – гаркнул Бажан.

– Я сказал, что вторая буря прошла. Но то, что не будет третьей, такого не обещал. Разбиваем лагерь!

Верег оглянулся на замершее позади войско, а затем поднял лицо к небу, что давно уже слилось с землей в одну слепую мешанину. Столь сильные бураны могут зверствовать сутками. Идти дальше невозможно, хочешь-не хочешь, а останавливаться надо. До заката ещё далеко, но вокруг всё равно темно, словно ночью.

– Надо уйти глубже в лес, – Драгомир наклонился к Бажану. – Между деревьев не так метёт. Уходим с дороги на восток. Ветер будет в спину. Попытаемся переждать метель. Отдайте приказы сотникам: через двести саженей останавливаемся. Пусть кмети разбивают лагерь. И лошадей пусть берегут.

Бажан кивнул, Хальвдан же только сильнее запахнулся в плащ, что за его спиной упрямо пытался развернуться парусом. Воеводы вернулись к головному отряду, и после их распоряжения войско двинулось вправо от дороги. Дело шло медленно. Сотники постоянно носились туда-сюда, стараясь уследить, чтобы ослепшие во мгле мужики не ушли в другую сторону. Только к сумеркам, разровняв сугробы сотнями ног

да подтащив сани, за которыми можно было бы укрыться, все расположились между деревьев. Лишь ночная тьма начала опускаться на землю, разглядеть хоть что-либо стало совершенно невозможно.

Драгомир наконец убедившись, что больших бед в суете не случилось, спешил и едва не по колено провалился в снег. Хорошо, что за три луны так и не намело глубоких сугробов. Иначе пришлось бы располагаться прямо на дороге.

Метель не утихала ни на миг и яростно рвала из рук кметей промасленную ткань палаток при попытке их расставить. Но никто из воинов не бросил казалось бы бесполезное занятие. Вопреки непогоде палатки стали вырастать тут и там, правда, чуть медленнее, чем обычно. Зажглись первые костры, разведённые из нарубленного сухостоя и нижних веток елей. Кмети и отроки вовсю рыли в снегу ямы до самой земли – так огонь легче сбересть, да и греть он будет лучше.

Лешко захлопотал, руководя другими отроками, которые силились расставить шатёр Драгомира, но, заметив это, он запретил им тратить время и силы. Ещё чего доброго подхватит их ветром да унесёт. В такую бурю за благо сойдёт и обычная палатка. Лешко поворчал, но настаивать не решился – и так умаялись.

Конные, щурясь от ветра, не забыли про своих лошадей. Увели их под ненадёжное, но всё же хоть какое-то укрытие облезлых кустов, накрыли попонами.

Успело окончательно стемнеть, прежде чем порядком за-

мёрзшие и вымокшие под снегопадом кмети смогли собраться у разрезавших ночную мглу огней. Кто-то даже затеял готовку похлёбки, но та на холоде остывала быстрее, чем её успеешь донести до рта. Но хоть чем-то подкрепиться. Кому-то помогли запрятанные в заплечных мешках вяленая говядина и хлеб. Только сил от такой снеди хватит ненадолго.

Скоро воины начали укладываться спать, оставляя дозорных для поддержания огня. Драгомир, как и все, сидел в сооруженной для него с воеводами палатке. Для каждого шатёр ставить – топить замаешься. С одного бока его подпёр Хальвдан, с другого – Бажан настолько закутанный в плащ, что его лица не было видно.

– Меня даже любопытство берёт, надолго мы так застрянем? – пробурчал верег.

Драгомир не сразу понял, что обращаются к нему. Лишь когда Хальвдан толкнул его в плечо, встрепенулся. Но, будто вовсе не ожидая ответа, воевода пошарил в своей солидной дорожной сумке и достал оттуда кожаную баклажку. Немного повозился, выдёргивая пробку, понюхал и, удовлетворённо ухмыльнувшись, отпил. Не иначе прихватил из замка вино – им сейчас хорошо согреться. Хотя больше для этого подошёл бы добрый мёд.

Но мёда не было, поэтому Драгомир с благодарным кивком принял из рук Хальвдана баклажку и тоже отхлебнул. Сначала вино обдало горло прохладой, но тут же разлилось внутри долгожданным теплом.

– Надеюсь, к утру снегопад закончится, – сказал он, выдохнув в схваченный морозом воздух облачко пара.

Сказал – и сам не поверил. Когда беда повторяется сызнова, уже сложнее думать, что и на этот раз всё обойдётся. Но Драгомир не имел права поддаваться унынию. Он снова приложился к горлышку баклажки и протянул её Бажану. Тот глянул удивлённо, но отказываться не стал. Южный напиток мягко ласкал нутро, приятно растекался по телу немного жгучей волной. Драгомир откинул голову и упёрся затылком в перекладину саней.

– Хорошо же мы сейчас смотримся. Ты глянь. Грозное войско, – ядовито заметил Хальвдан, озираясь. – Вельды, небось, преспокойно сидят в своем лагере, пьют какую-нибудь брагу, жгут твой лес в кострах. А мы, как последние остолопы, мотаемся за ними.

– Если хотим от них избавиться – будем мотаться, сколько надо. Да и к тому же... скоро всё наладится.

Лишь бы никто не отморозил себе чего. Хоть подмороживало не столь уж сильно, но такая погода всё одно опасна. Промозглый ветер пробирался и под полог, упрямо выцарапывал из-под одежды тепло. Крупица за крупичей. Съеденная ранее говядина, как и вино, уже перестала греть тело изнутри. И голова осталась ясной. Драгомир вдруг вспомнил про Младу. Кто знает, где она?

– Лешко, – позвал он отрока, который в окружении товарищей сидел напротив, по другую сторону потухшего кост-

ра. Они походили теперь на взъерошенных воробьёв, жались друг к другу, стараясь сохранить тепло.

– Да, княже, – тут же вскинулся мальчишка.

– Вот, возьми, – Драгомир сбросил с плеч овчинный тулуп, накинутый прямо поверх корзна. – Надень и пойдёшь сыщи в Левом полку Младу. Просто узнай, как она. Доложишь мне.

Отрок кивнул, кутаясь в огромный для него тулуп по самые уши. Высоко поднимая ноги, он пошёл через сугробы, заглядывая в палатки и окликая воительницу.

– Зачем парня погнал? – косясь на Драгомира, проворчал Бажан. – Потонет в снегу.

– Не потонет. А Млада – девица, ей сложнее, чем другим. К тому же за вельдом приставлена надзирать. Как бы он в этой суматохе не подевался куда.

Верег хитро прищурился, поглядывая на него.

– Не слишком ли близко ты девицу к себе подпустил? Чую, не в тревоге за вельдчонка дело.

– Тебе почём знать? – бросил Драгомир. – Ты о других не сильно-то заботишься.

Хальвдан вдруг помрачнел и запрокинул голову, выжеживая из баклажки в рот остатки вина.

– И правда, – выдохнул он после. – Почём мне знать...

Драгомир внимательно оглядел его: показалось, этим верег хотел сказать что-то другое. Но, несмотря на видимую открытость, многое Хальвдан надёжно хранил внутри и не

торопился обсуждать даже с другом. Помнится, когда с братом простился на Медвежьем утёсе, только коротко сообщил, что тот с ними не поплывёт – больше слова об этом от него не было слышно за все два лета. Что уж говорить об его истинном отношении к Младе. Берег то осыпал её нападениями, то яростно вступался, как тогда, в испытании поединком. Судачили-то о том часто и щедро, а правда только одна – в голове Хальвдана. И её оттуда щипцами калёными не вынешь, если он того сам не захочет.

Лешко на удивление скоро вернулся. Его успело изрядно припорошить снегом, в борьбе с сугробами он запыхался и устал. Но бодро доложил, что Млада, мол, за вельдом приглядывает и не страдает от метели больше, чем остальные. Другого ответа от воительницы можно было и не ожидать.

Однако это Драгомира отчасти успокоило.

Ночь тянулась невыносимо долго. То и дело мёрзли руки даже в толстых рукавицах, застывали ноги – и приходилось вставать, чтобы размять их. Утром ветер немного ослабел, хоть снег сыпал так же густо. Несмотря на это, дружинники выбирались из палаток, чтобы занять себя хоть какими-то делами. Какое-никакое движение всё ж лучше, чем бестолковое сидение задом в сугробе. Кмети стряхивали с плеч снег, топтались на месте, разгоняя по телу кровь, некоторые пытались развести ещё костры. От саней отгребали снег и, наваливаясь по пять-десять человек, пытались вытолкать их из наносов. Иначе потом и вовсе их не откопать.

Драгомира злила эта задержка, и теперь его всё сильнее одолевали мысли о том, как добрались до деревни тривичей сотни из Елоги. Если непогода застала и их, то, возможно, придётся ждать вои ещё некоторое время. Похоже, управиться с делом в короткий срок не удастся. А зимой любое промедление грозит обернуться гораздо большими трудностями.

Однако непогода была не самой большой неприятностью, которая поджидала дружину. Вскоре выяснилось, что дорога через ЛК пропала. А ведь не так уж далеко она проехала от лагеря. То ли войско сбилось с пути, то ли её замело. Хотя казалось, какой бы ни был сильный снегопад, запорошить хорошо протоптанную тропу он не смог бы. Сторожевой отряд вернулся в полной растерянности. Они едва сумели отыскать путь обратно к войску – настолько быстро в пурге пропадали любые следы.

Драгомир закипал от собственного бессилия и изматывающего холода. Невольный гнев, посещавший его так редко последние дни, снова заливал голову горячим свинцом. Хотелось обвинить во всех неурядицах хоть кого-то, но виновато было только ненастье. Только с природой спорить бесполезно, а злиться на неё – и того бесполезнее. Прошёл ещё день, снова поднялся ветер и следующая ночь показалась холоднее предыдущей.

Теперь сквозь то ли хохот, то ли плач метели прорывался кашель воинов. Не всем удалось сохранить достаточно тепло

и остаться в здравии. Отрокам было приказано отыскать повозку с приготовленными Лерхом снадобьями и хоть чем-то помочь захворавшим. Ветер полночи носил по лагерю запах трав и тихие разговоры совсем уж обескураженных и подавленных затяжной непогодой кметей. Другой подобный день могли пережить и не все.

Драгомиру беспокойство от свалившихся на войско напастей не позволяло даже попытаться заснуть. Несмотря на возражения воевод, он сам ходил по лагерю от костра к костру и справлялся о здоровье кметей, подгонял отроков. Но воины не жаловались и уверяли, что не испытывают вовсе никаких неудобств – подумаешь, снежок сыпет. В конце концов его отыскал Хальвдан и едва не силой увёл в палатку.

– Если ты тут подохнешь – кому-то легче станет? – бурчал он по дороге.

А Драгомир всё никак не мог сбросить с себя лихорадочное желание хоть чем-то помочь войску, пусть и знал, что от его потуг толку всё равно не будет. Не захлопнется в одночасье эта бездна, извергающая снег и ветер. Не уймётся буйство метели лишь по одному его слову. Он – князь, правитель множества племён и владелец земель. Но этой неистовой и дикой силе он мог приказывать не больше, чем чахлая травинка в поле.

К утру Драгомира всё же одолела усталость, и он задремал, чувствуя, как скупое тепло костра, разведённого в углублении, скользит по лицу.

Позже к нему кто-то тихо подсел. А он и не заметил, как Бажан, сидевший до этого справа, уже встал; теперь его голос отчётливо гремел вдалеке, отдавая указания вконец измученным сотникам. Иногда он прерывался возгласами Хальвдана — его верегский говор трудно было не узнать. Драгомир, раздражённый мыслью о том, что его никто не разбудил, пошевелился, сбрасывая дремоту.

И понял, как же кругом тихо.

Ветер унялся, и уже это можно было назвать тишиной. В ветвях над головой щебетали и щёлкали клесты. Где-то совсем неподалёку слышался треск дров в костре, тепло, больше не уносимое безжалостными порывами, всё гуще расплзалось вокруг и уже окутывало застывшие ступни. Можно было просто сидеть и наслаждаться тем, что непогода отступила.

Драгомир провел по лицу ладонью и открыл глаза.

— Хватит спать, княже. — Млада улыбнулась, пошевелила корявой палкой дрова в костре, и пламя разгорелось ярче. — Бажан отправил меня тебя разбудить. А костёр-то твой почти потух.

— Всё закончилось, — невпопад ответил Драгомир ииглянул в просвет полога.

Сквозь прорехи в облаках выглядывало солнце, освещая яркими пятнами снующих тут и там воинов. Суета, но не натужная, а скорее радостная, наполняла лагерь. Парни громко и облегченно переговаривались. Откуда-то издалека тянуло

ароматным мясным варевом. Надо же, шустро взялись за готовку – ведь одной только солониной и хлебом пузо сильно не набьёшь. Драгомир и сам не отказался бы сейчас съесть чего горячего.

– Да, всё закончилось, – глядя вдаль, кивнула воительница. – Но дорога так и не нашлась. Кажется, мы совсем ушли в сторону.

Она внимательно посмотрела на Драгомира и снова поворошила горящие поленья. Оттаявший плащ мокрой неприглядной тряпкой свисал с её плеч и едва заметно дымился от близости костра.

– Это не беда, найдём! – Драгомир снял рукавицы и потёр ладони.

– Я принесу чего поесть. Тебе надо согреться, княже.

– Не беспокойся. Лешко принесёт, – нарочно не посмотрев на Младу, бросил он и поднялся. – Ты лучше шла бы, пленника своего караулила.

Драгомир размял одеревеневшие от долгого сидения ноги и вышел наружу. Там он отыскал Бажана и поспешил следом.

– Ну что, Бажан, далеко мы ушли не в ту сторону? – он ответил на приветствие кивком.

Воевода передёрнул плечами и взглянул в небо.

– Как говорят наши следопыты, изрядно. Но по солнцу теперь исправиться легче.

– Все целы после ночи?

– Не все, конечно. У многих воев теперь жар и лихорадка.

Как только дойдём до какой деревни, оставим их там. Всё равно им уже до конца не дотянуть... Ещё пало больше дюжины лошадей – и тяжеловозы тоже. Некоторые сани из обоза придётся бросить.

Драгомир посмотрел себе под ноги, размышляя.

– Отправим несколько человек искать дорогу, – он остановился. – Всем войском по лесу таскаться не станем. Пусть парни пока передохнут.

– Так будет лучше всего, – согласился Бажан.

– Прикажи сотникам подобрать людей. Человек пятерых – не больше.

Воевода кивнул и громко, так, что едва не заложило уши, кликнул сотника Варея, который как раз ходил поблизости. Тот выслушал приказ и без промедлений отправился исполнять. Бажан собрался было уходить вслед за ним, но Драгомир его окликнул.

– Зачем ты послал ко мне Младу? Знаешь ведь, что у неё особое задание.

– Думается мне, ты её сильно увидеть хотел всё это время, – воевода почесал мокрую от снега бороду. – Не знаю уж, почему. И не скажу, что мне это нравится. Но вижу, что рядом с ней тебе как будто... легче становится. Вот и послал. А вельд никуда не денется.

– С чего ты взял, что я хотел её увидеть? Что за вздор?

– Вздор-не вздор, а вон, подскочил ты, как ужаленный. Разве не хорошо?

И правда, а он и не заметил, как уныние и тягостную тревогу последних дней как рукой сняло. Только дело тут могло быть попросту в отступившем ненастье. Драгомир прищурился, разглядывая Бажана. Тот старательно отводил взгляд. Видно, не обошлось здесь без Хальвдана, который единственный из ближников знал о том, что случилось в светлице после праздника. Всё ж проболтался. Чего доброго, и Бажану мысли отравит подозрениями. А может, так даже и лучше.

Сотник Варей, что-то раздражённо бормоча себе под нос, подошёл снова. Оглядел замерших друг напротив друга Драгомира и Бажана, но обратиться всё же решился.

– Кметей на поиски дороги я собрал. Вот только... Идти они отказываются, коли с ними Млада не пойдёт.

Воевода перевёл на него мрачный взгляд, а тот только руками развёл.

– Это что за капризы, я в толк не возьму?

– Ты и княже, может, не знают. Но когда буран был... Многие какую-то бабу среди деревьев видали. Некоторые говорят, что это сама Морена¹ была. Так вот боятся, как бы не пропасть в чаще теперь.

– А Млада тут при чём? – Драгомир подошёл к сотнику ближе.

– Так известно же... Светлые Боги ей благоволят, а значит и Морену она отпугнуть сможет.

Бажан громко фыркнул, но почему-то возражать словам

¹ Морена – богиня зимы и смерти.

Варя не стал. Однако, судя по тому, как скривилось его лицо, справедливым он такое суеверие кметей не считал. А ведь, если задуматься, парни перестали коситься на Младу аккуратно после её возвращения из разведки, как и подтрунивать над тем, что она – девка. После испытания железом о воительнице ходили и вовсе небывалые пересуды. Правда, вскорости затихли. Но, получается, теперь воины дружины наделяли её едва ли не Богами данной удачливостью.

Кто знает, что на самом деле крылось в Младе? Драгомиру самому довелось убедиться в её необычности.

– Раз так, пусть тоже едет, – он махнул рукой, отсылая сотника. – Старшей в отряде её поставь. А за вельдом самостоятельно теперь следить будешь.

Тот расторопно откланялся и ушёл. Бажан помолчал, сжав пальцы на оголовье меча, но всё же не выдержал.

– И ты туда же. Какая, к бесам, Морена?!

– Хочешь верь, хочешь нет, а я её, кажется, тоже видел, – вздохнул Драгомир и направился к своему шатру, который уже успели расставить.

Глава 5

Млада сидела, скрестив ноги и протянув их ближе к костру. Хотелось впитать всё тепло, исходящее от него, наполниться им до краёв, чтобы больше не мёрзнуть. Никогда. Теперь лёгкий мороз, пронизывающий желтоватый от солнечного света воздух, казался даже приятным. А волны мягкого жара от огня ласково омывали лицо. И кто из воинов раньше мог бы сказать, что столь простое удовольствие будет желаннее всего на свете.

Два невероятно тяжелых дня и три ночи минули, словно их и не было. Лишь намело кругом сугробы едва не до пояса, да остались в памяти обрывки кошмара, который чем дальше, тем казался всё менее реальным. Тёмное небо, ветер, рвущий иголки с елей, и снег. Такой прорвы снега Млада никогда не видела. Оказывается, раньше-то ей приходилось путешествовать больше по иссушающей жаре или дождю и сырости, но никогда – в холоде, от которого зуб на зуб не попадал.

Три ночи она провела в палатке с Роглом у одного бока и сотником Вагни – у другого. И если привычный к такой погоде верег постоянно отвлекал всех вокруг болтовнёй, позволяющей забыть о холоде, или бранился на своём языке, напоказ обращая проклятия к небу и вконец озверевшим немерским духам, то вельдчонок попросту молчал. И почти не ше-

велился. Время от времени Млада даже толкала его в бок, чтобы проверить, жив ли он ещё. Тогда в её сторону обращался мрачный взгляд чёрных глаз, мальчишка плотнее кутался в кожух, твёрдо поджимал обветренные губы и снова замирал, как истукан.

Путь рядом с отроками, вопреки ожиданиям, похоже, не улучшил его с ними отношений. Парни, которые сами-то чуть больше седмицы назад прошли Посвящение, глядели на него теперь и вовсе свысока. Даже старосты внучок Брамир, уже полностью освоившись в окружении старших, задирали нос так, что едва не спотыкался. Но при Младе обращать нападки на пленника они не решались. Только разумения большого не надо, чтобы разгадать многозначительное выражение на их лицах, когда они принимались в который раз между собой обсуждать Рогла. Многие из них теперь считали себя кметями и даже могли ими называться. Да у Млады язык не поворачивался. Те же сопляки, что и раньше, даже усы гуще расти не стали.

И как бы вельдчонок ни прикидывался, что толки отроков вовсе его не беспокоят, а всё равно почти постоянно напоминал звенящую от напряжения тетиву. Вот и сейчас сидел рядом, сложив руки на коленях, и не сводил взгляда с костра. О чём думал – одним Богам известно. Возможно, жалел, что ушёл из лагеря вельдов – там он хотя бы считался своим. И как бы ни был плох его отец, а сына жреца остальные наверняка за пустое место не держали. И не клевали насмешками,

точно стервятники дохлятину.

А может, в который раз он желал смерти Зорену. За то, кем родился, и за то, что родился вообще.

Младе не хотелось оставлять его одного. Наверное, в первый раз она и правда почувствовала, что ответственна за него. И в первый раз ей не было это в тягость. Как будто продуваемая всеми на свете ветрами ночь сызнава выстроила между ними зыбкий и ненадёжный мост. Пусть Рогл был виноват во многом, что случилось перед походом. И в то же время как будто не виноват.

– Ну что, ты готова? – гаркнул над головой Варей.

Млада задрала голову и взглянула на него.

– Без меня никак? Чем я могу помочь остальным?

– Ничего не знаю, – с загадочной гримасой покачал головой сотник. – Сказано тебе ехать. Значит, едь. К тому ж старшей тебя назначили – плохо, что ли?

Да уж, старшей. Сплошная показуха – а иначе как? Ведь сам правитель приказал. На деле же заправилой в их отряде будет следопыт, а остальные просто в случае чего должны прикрывать ему спину.

– У меня пленник.

– Пленник твой и сам себе зад подтереть может. К тому же я за ним пригляжу, чтоб не убёг.

Рогл вздохнул.

– Куда мне бежать-то? Волкам на съедение? – он спрятал руки под мышками и склонился ближе к костру.

– Тем более, – согласился Варей.

Млада нехотя поднялась, отряхнула от снега давно уж собранный заплечный мешок. Вслед за сотником она подошла к остальным кметям, собравшимся на поиски дороги до тривичей. Нынче никто на неё не косился, кажется даже, наоборот, парни были рады тому, что Млада едет с ними. Они резво погрузились на коней и отправились на запад – так указал следопыт-охотник Волот. Сам он был из тех же тривичей, из самой северной их деревни Ракитка, и утверждал, что в случае чего сразу узнает знакомые места. Только вот до них ещё добраться надо. Теперь же никто не брался судить, как далеко в сторону войско могло зайти. В том буране землю от неба не всегда можно было отличить.

Но Волот уверенно повёл всех за собой, будто уже знал, куда идти. Может, и правда здешние места сами подсказывали ему путь. А может, и вовсе ближайшая деревня тривичей покажется впереди уже через пару вёрст. Тут ведь не угадаешь. Поэтому покамест все положились на следопыта. А там и Млада разглядела на снегу слабый след прошедшей тут недавно дружины. Его порядком замело, и продлись метель чуть дольше, то и вовсе ничего нельзя было бы увидеть.

Парни ободрились, подогнали коней, рассчитывая уже к вечеру найти дорогу. Дело обещало оказаться гораздо более лёгким, чем виделось поначалу.

След, широкий и извилистый, всё вёл и вёл их через лес, а хоть сколько-нибудь хоженной тропы не показывалось ни по

ту, ни по другую его сторону. Солнце то светило в спину, то принималось слепить глаза. И неумолимо клонилось к закату. Удлинялись и густели чернильно-синие тени. Рассеивалось дневное тепло, и мелкие иголки мороза всё ощутимее кололи кожу. Лицо Волота становилось всё мрачнее, а в один миг он и вовсе встал, как будто обомлел. Парни объехали его с двух сторон и тоже остановились, рассматривая снег под копытами коней. Млада поравнялась с ними, проследила за взглядом следопыта и почувствовала, как внутри шевельнулся неприятный холодок.

Впереди лежала свежая и глубокая полоса следов, оставленных их же отрядом.

– Проклятье, – выдохнул русоволосый Скурата и утёр с усов осевшие от дыхания капли.

Остальные кмети высказались суровее, чем он. Все повернулись к следопыту.

– Как такое могло получиться? Как мы вообще могли заложить такую петлю и выйти к своим же следам? – Млада внимательно оглядела растерянное лицо Волота. Но, похоже, разумного ответа у него не было.

– Пёс его знает.

Однако бранить следопыта никто не торопился: он лучше всех был сведущ в деле поиска дороги к тривичам, и вряд ли кто-то справился бы лучше него. Если он не смог – значит, что-то крепко сбило его с пути. Только что? Кмети вздохнули и заозирались. Солнце уже нехотя бросало лучи между

деревьев у самой земли. Ещё немного – и стемнеет. Волот, ни слова лишнего не говоря, спешился и обошёл вокруг того места, куда они пришли, потратив на бесполезный путь весь день. Он долго смотрел вдаль на восток, откуда уже напоздали сумерки, спустился по склону и на время пропал из виду.

Пока он бродил в округе, парни тоже покинули сёдла и, привязав коней, устроились рядом на одном из поваленных берёзовых стволов. Взгляды их то и дело обращались к стремительно гаснущей над западным окоёмом вечерней заре. Одна за другой на ясном небе проступали звёзды. О том, что случилось, никто говорить не хотел. И Млада не торопилась тормошить спутников, застывших в мрачном ожидании вестей от следопыта. Но вскоре, не сговариваясь, кмети принялись рубить лёгкими топориками, без которых ни один разумный человек в путь не пустится, нижние ветки кустов, сухостой и собирать по снегу хворост. Вернуться в лагерь до темноты отряд всё равно не успеет. Да и как возвращаться без вестей? Только виновато клонить голову перед старшинами за попусту прожитый день, потерянный не только для них, но и для всего войска.

Споро насобирав веток и коры для огня, кмети свалили их в кучу – до утра, может, и хватит. Млада достала из седельной сумки котелок: хоть воды согреть, да выпить горячего отвара из припасённых в дорожном мешке листьев малины и брусники.

Оставшийся без следопыта отряд расселся у ловко разве-

дённного Скуратой костра. А Волот всё не возвращался. Даже факела собой не взял – а в темноте-то уже ничего не разглядишь.

– Куда он провалился? – как будто сам себе проговорил Ерут, невысокий, но крепкий, словно дубовое полено.

– Ау, Волот! – ничуть не раздумывая, зычно гаркнул на всю округу Скурата.

– Нешто он сам не понимает, что уже почти темень кругом? – шикнул на него третий дружинник Олан, похожий на гибкого и изворотливого хорька. – Чего орёшь, как блажной? Он уж давно далеко ушёл.

– Ты что, боишься, придёт сюда кто, кроме него? Лесовики, может?

– Почём знать? Думаешь, мы тут по собственной дурости кругами ходили? – поддержал товарища Ерут. – Как нечистое что-то началось в том буране, так и сейчас продолжается.

Он вдруг покосился на Младу, показалось, чуть разочарованно. Как будто это она, а не Волот, должна была вывести их к дороге. Получается, совсем не случайно она оказалась среди них – но вот какие надежды на неё возлагались, это пойди разбери.

Кмети помолчали, бестолково глядя в пламя и прислушиваясь. Но шагов запропастившегося следопыта всё не слышалось посреди разрозненных и редких голосов леса.

– Искать его надо. Не оставлять же одного в глуши на

ночь, – вздохнула Млада, подцепила ложкой плавающую в растопленном снегу сосновую иголку и стряхнула её в сторону. – Кто со мной?

Остальные переглянулись, но никто не подскочил с места в готовности и нетерпении. Знать, даже крепким дружинникам не хотелось блуждать в зимнем мраке. И Младе-то не хотелось, да только ожидание Волота опасно затягивалось, а вокруг темнело всё сильнее.

– Искать следопыта. Надо ж, – оглядев друзей, Скурата насмешливо крикнул и встал с бревна. – Я пойду.

Кмети согласно закивали, расслабившись оттого, что постылая обязанность их миновала. Даже странно было видеть в могучих воинах, которые без страха пришли в дружину и отправились в поход за князем по собственной воле, а не принуждению, такую робость. Как будто и правда они боялись, что могут повстречать в лесу какую нечисть.

– Вы двое только никуда не подайтесь, – Млада накинула капюшон совсем уж подсохшего за день на солнце плаща. – Вдруг он выйдет сюда с какой другой стороны. А мы по его следам пойдём. Главное – за костром следите.

– Да уж разберёмся, – покривившись, фыркнул Ерут. – Учи бабушку похлёбку варить.

Вместе со Скуратой, прихватив воды и пару факелов, они пошли сквозь густой можжевельник той же тропкой, что и пропавший Волот. Млада, стараясь задавить внутри нехорошее предчувствие, внимательно следила за чёткой верени-

цей глубоких следов, оставленных кметем. Они хорошо виднелись на снегу в свете горящего неподалёку костра и поначалу шли вдоль уже протоптанной ранее дружинной тропы. Но чем глубже в низину, тем больше отклонялись в сторону. Как будто Волот увидел что-то, что привлекло его внимание и потребовало уйти со старого следа. Вдруг отпечатки стали реже и глубже – значит, с этого места кметь побежал. Млада тоже невольно прибавила шаг. Скурата поспешил за ней, не задавая никаких вопросов. Стало быть, сам обо всём догадался.

Продравшись через молодую поросль ольхи, Млада едва не угодила в небольшой овраг – только и успела схватиться за тонкие ветки. А до того пробежавший здесь Волот ловко перемахнул через препятствие одним прыжком. Убегал, что ли, от кого? Но вокруг не было больше ничьих следов: ни человеческих, ни звериных. Да и напади на него зверь или лихой человек, следопыт наверняка позвал бы на помощь. В лесу звук разносится хорошо – слышали бы.

– Стой! Факел запалим, – выдохнул позади Скурата. – А то ноги переломаем.

И правда, костёр, что ещё мгновение назад освещал путь далеко вперёд, скрылся за деревьями и кустами. Теперь со всех сторон подступила совсем уж непроглядная тьма. За незаметно наплзшими облаками не виднелось луны и звёзд, и лишь едва можно было различить тёмные остовы сосен на фоне гладкого и белого, как рассыпанная по столу пекаря

мука, снега. Нехорошо оказаться так, в чаще ночью. Особенно зимой. Когда затихают редкие птицы и почти не тревожит веток ветер – только будто сами по себе шумят в вышине древесные кроны. И знаешь, что не отыщется никакого людского жилья, возможно, на много вёрст окрест.

Но вот Скурата чиркнул огнём один раз и другой. Кремень уронил наземь несколько мелких искр, и факел занялся ровным пламенем. Тут же потеплела ночь, отступило смутное дыхание безвестности, норвящее сковать сердце необъяснимой тревогой.

– Вот теперь и дальше можно идти, – кивнула Млада.

– Далеко он убёг, – медленно ощупывая под ногами снег, проговорил Скурата. – И главное, на кой?

Не ответив, Млада пошла дальше. Ей самой не нравилось странное поведение Волота, которое явственно читалось по его следам. И чем глубже те уходили в лес, тем путаней становились, а порой и вовсе не поддавались никакому разумению. Петляли среди деревьев, а время от времени возвращались назад. Как будто Млада и Скурата преследовали пьяного или слепого. Но уж никак не следопыта, которому едва не каждая ветка должна указывать верный путь.

То и дело приходилось поднимать голову к небу, чтобы различить на нём тусклое пятно луны, которое проступило, когда облака слегка рассеялись. Она ещё не поднялась высоко и путалась в сосновых ветках, но хотя бы направление указывала верно. А то ведь совсем скверно, если ещё и са-

мим заплутать.

Заплечный мешок, не лишка-то нагруженный, всё больше оттягивал плечи, и ноги словно глубже застревали в снегу. Усталость целого дня пути, пусть и проведённого в седле, давала о себе знать. Млада тихо желала провалиться к бесам Волоту да и себе заодно: зря вызвалась его искать, пусть бродил бы здесь в одиночестве, дурная башка. И в то же время понимала, что по-другому поступить было нельзя. То и дело Скурата на всю округу окликал следопыта, но ни разу на это не последовало хотя бы призрачного ответа. Даже не шумела никакая лесная живность.

– Возвращаться надо, – пробормотал кметь, поглядывая на тускнеющий факел. – Ещё немного, и нас самих искать надобно будет. Если уж Волот заплутал, так нам чего в здешние дебри-то соваться?

– Ещё с версту пройдем и назад, – согласилась Млада. – Думается, за потерю следопыта нам здорово в лагере достанется. Стало быть, с утра снова искать надо.

– Не блуждать же без конца... Да и сама видишь, никому не нравится, что тут творится. Бесовщина какая-то.

– Ты бесовщину побереги детишек своих пугать.

– Детишек... – хмыкнул Скурата. Словно что-то припомнив, он коротко улыбнулся, но, заметив взгляд Млады, кашлянул и отвернулся.

У него, как и у многих в дружине, ещё не было семьи, а уж тем более детей, которых можно пестовать и вразумлять.

Не до того. Хотя тайные и не очень зазнобы в городе, а то и выселках, водились у большей части неженатых парней. Теперь, в походе, они, верно, гораздо острее почувствовали желание вернуться к тем, кого оставили дома. Тем более после первых трудностей пути.

– Чудная ты девка, Млада, – помолчав, усмехнулся кметь.

– Чего это?

Скурата смерил её хитроватым взглядом.

– Тебе будто и дела ни до чего нет, а ведь за Волотом идти вызвалась, хоть могла других отправить. Медведя гоняла взащей, а потом ты ж глянь... – он примирительно поднял руки в ответ на уничтожающий взгляд и добавил ещё более загадочно: – А вельдчонка того, вроде, и шпыняешь, а тронь его – в глотку вцепишься.

– Да ну?..

– Уж ты мне поверь. Я людей-то наскрозь вижу.

Млада только головой покачала. Ох уж ей эти задушевные разговоры...

– Ты лучше под ноги смотри.

Она всего на миг подняла взгляд от следов Волота, которые наконец снова обрели осмысленность, и вдруг увидела впереди тёмную фигуру человека, привалившегося к толстой берёзе. Скурата тут же пошёл быстрее и, обогнав Младу, первым подбежал к неподвижно сидящему прямо на снегу мужчине. Свет факела выхватил из мрака его лицо.

Волот.

Следопыт походил бы на мёртвого – таким бледным и застывшим казалось его лицо – но грудь тяжело вздымалась при дыхании, да глаза ошалело и невидяще шарили по темноте. Посиневшими от холода пальцами он медленно царапал покрытый настом снег рядом со своей ногой и прорыл уже глубокую ямку до самой земли, но не замечал этого.

– Волот! – Скурата крепко тряхнул того за плечо.

Но следопыт даже головы к нему не повернул. Продолжил бездумно пялиться вдаль. Кметь озадаченно опустил руку, не решаясь больше к нему прикоснуться. Тут не сразу сообщишь, что и делать.

Настороженно озираясь, Млада тоже подошла ближе, присела рядом и заглянула в пустые, точно у безумца, глаза. Она не знала, какого цвета они были раньше, но теперь будто бы подёрнулись тонкой ледяной коркой. Кто знает, не чудилось ли это в стылой ночной тьме, но остальной вид нашедшегося Волота говорил, что с ним далеко не всё в порядке. А глаз такого цвета у обычного человека и вовсе быть не должно.

– Волот! Слышишь меня? – Млада сняла перчатку и дотронулась до его холодной щеки.

Следопыт дёрнулся, будто к нему приложили раскалённую головню, и шарахнулся от неё в сторону. Обогнув берёзу, он, как и был, сидя, попятился, перебирая ногами и отталкиваясь руками от земли, пока не упёрся спиной в другой ствол.

– Шальной, чтоль? – пытаюсь его догнать, ругался Скурата. – Да постой ты, а то ноги выдеру!

Млада посмотрела на свою ладонь, прикосновение которой так странно подействовало на следопыта, и снова подошла к нему. Волот заскулил, как побитый пёс, и совершенно дико уставился на неё, задрав голову. Не обращая внимания на сопротивление, она крепко взяла его лицо в руки и вгляделась, силясь отыскать в искажённых чертах ниточку разума, за которую можно было бы уцепиться.

– Что с тобой случилось?

Зрачки Волота расширились резко, заполнив почти всю радужку, и Млада ухнула в темноту. Точно на самом деле ушла из-под ног земля. Перехватило дыхание от ложного чувства падения, и по вискам мазнул ветер. Она упала на лёд – голые ладони тут же едва не примёрзли к его гладкой поверхности – и почти стукнулась об него лбом. Ещё и коленями ударилась. Так и стоя на четвереньках, Млада вгляделась в прозрачную глубину замёрзшего озера, которое оказалось тут невесть как. Там не было ничего – лишь вяло текла зеленовато-синяя вода. Но вдруг светлым пятном проступило одно лицо, и другое. Сначала их не удавалось рассмотреть, но они всё поднимались, пока не стали различимы черты. Хальвдан, Медведь, Рогл – и много других знакомых людей Млада узнала в утопленниках, что проплывали мимо подо льдом. Казалось, там вся княжеская дружина. Из их ран ещё сочилась кровь и растворялась в холодной воде. Млада

вздрогнула и отпрянула.

Скурата успел поймать её, иначе завалилась бы набок неуклюжим кулём.

– Надо везти в лагерь, – высвобождаясь из рук кметя, буркнула она, силясь отдышаться после страшного наваждения. – Ну его. Там расспросим.

Млада встала, отряхивая перчатки, которые уронила в снег. Главное сейчас – не показать кметю, что она что-то видела, а то ещё чего доброго решит, будто вслед за Волотом тронулась умом.

– Смотри-ка, затих, – кивнул Скурата на следопыта.

Тот и правда трястись перестал, уже не жался к берёзе, как затравленный зверь, и гораздо более разумно озирался по сторонам, словно не мог понять, как тут очутился.

– Вставай, горе, – вздохнул кметь, подхватил Волота под мышку и поставил на ноги.

При этом он не забывал с любопытством поглядывать на Младу, только в лоб ничего спрашивать не торопился. Хоть наверняка и заметил, что с самого начала со следопытом не всё было ладно. Да и с ней, надо сказать, тоже. А вот, коли до лагеря доберутся, как пить дать всё сотникам расскажет. Или вовсе воеводам самим.

Более не мешкая, Млада развернулась и пошла обратно по их же следам. Хотелось поскорее убраться из этого места – так, чего доброго, поверишь в любых чудовищ, что натыканы за каждым кустом. И в любое колдовство. Позади по-

слышалось дыхание Скураты, который тащил за собой вяло переставляющего ноги Волота, пыхтел от усилий и тихо поругивался сквозь зубы.

На этот раз неожиданностей не случилось. Обратный путь показался гораздо короче, вереница следов – прямее, а ночь не такой уж и тёмной. К тому же впереди скоро засиял между деревьев костёр, разливающий по снегу приветливые оранжевые отсветы. Запахло теплом и травами. Низким бубнением послышался тихий разговор.

Ерут и Олан всё ещё не спали, попивали себе горячий отвар, который Млада успела приготовить перед уходом. Долгие поиски пропавшего товарища будто бы вовсе их не обеспокоили. Заслышав скрип шагов, кмети замолкли и подняли на пришедших удивлённые взгляды:

– Споро вы обернулись. За соседним кустом он сидел, что ли? – Олан кивнул на всё ещё не пришедшего в себя следопыта.

– Что значит, споро? – Млада сердито бросила мешок у бревна и тяжело уселась на него. – Все ноги истоптали.

– Дык... – непонимающе пожал плечами Ерут. – Мы только вон по кружкам отвар разлили. Ещё остыть толком не успел, как вы ушли. А вон, уж тут как тут.

Усадив Волота поближе к огню, Скурата обернулся и недоуменно обменялся с Младой взглядами.

– Акромя отвара, вы тут больше ничего не пили? – напал он на соратников. – Мы же полночи...

Вдруг кметь замолк, встретив обескураженность на их лицах, и медленно опустился едва не мимо бревна.

— Ох, как... хорошо-то, — проговорил Олан, который смекнул всё раньше Ерута. — Что-то мнится мне: крепко мы вляпались. А с ним что? — кметь указал взглядом на Волота. — Он чего, как дурачок, по сторонам зыркает?

— А ты у него сам спроси, коль он тебя не покусает, — огрызнулась Млада.

— Это он ещё очухался слегонца. А то совсем ни петь, ни плясать был... — поддакнул Скурата и добавил, чуть погодя: — Знаете, что... Грести отсюда надо, пока мы тут все не сгнули. Коль воеводам так охота, пусть сами дорогу ищут.

— Не в темень же тащиться, — Ерут зло выплеснул остатки отвара в снег. — Заночевать придётся.

— Вот и будем на ночлег устраиваться, — кивнула Млада. — Дозор несём по очереди. За Волотом пригляд нужен. Мало ли, куда снова ринется. На рассвете возвращаемся в лагерь.

Парни согласно забурчали, поснимали с сёдел войлоки и одеяла, расстелили у костра. Даже одуревшего Волота кое-как уложили, а между делом всерьёз обсудили, не связать ли его на всякий случай. Думается, и без того не очень-то сладко им всем сегодня будет спать. О себе это Млада могла сказать со всей уверенностью. Потому нести дозор она осталась первой.

Поначалу было тихо и безмятежно. Кмети всё же заснули, и по лесу разнёсся раскатистый храп Ерута, от которого

будто бы даже покачивалось пламя костра. Млада сначала сидела, укутавшись в одеяло, и просто всматривалась в темноту между деревьями, затем принялась разглядывать вновь прояснившее тёмное небо. А там и вовсе встала и неспешно прошла вокруг небольшого лагеря, краем глаза наблюдая за совсем притихшим Волотом. Тот, впрочем, не спал, но лежал смирно и бездумно смотрел на огонь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.